

ВЕРИТЕЛИ
СВЯТЫХ
ПИСАНИЙ
И
ИЗДАНИЕ
1904

Д. Курдюбинъ —

Зов апреля

Постановлением
Центрального Комитета КПСС
и Совета Министров СССР
народному поэту Калмыцкой АССР
КУГУЛЬТИНОВУ
Давиду Никитичу
за книгу стихов
«Зов апреля»
присуждена
Государственная премия СССР
1976 года

Давид Кугультинов

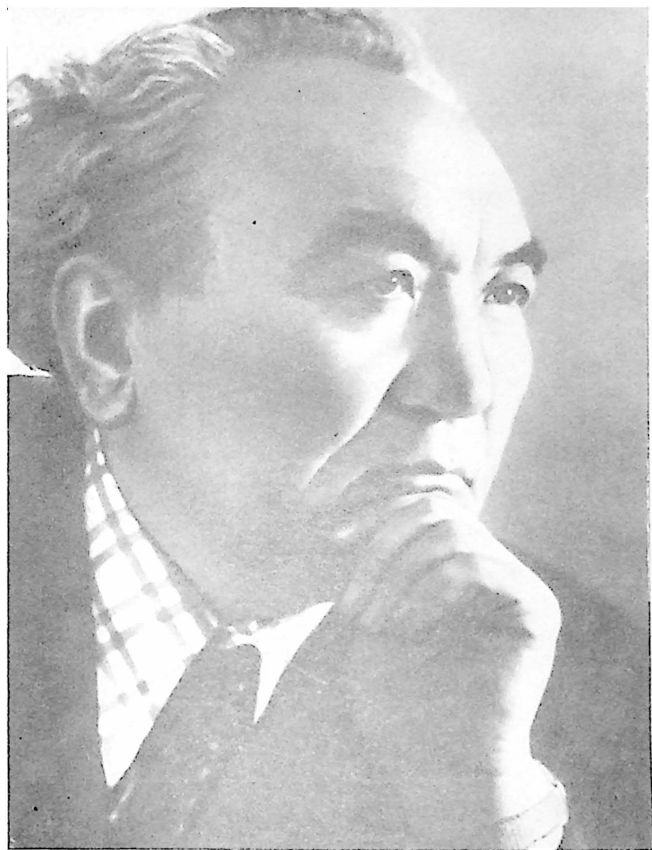
Зов апреля

СТИХИ И ПОЭМЫ

*Перевела с калмыцкого
Юлия Нейман*

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1978

Народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, автор многочисленных сборников стихов, широко известен во всех краях нашей страны. Вдумчиво и напряженно всматривается поэт в сложный и разносторонний мир современника. Многогранна тематика творчества Д. Кугультинова, широка география его поэтического видения: исторические полотна и картины сегодняшних трудовых будней, тревога за судьбы мира, эпический разворот всенародных деяний и тончайшие движения человеческой души. Таковы направления поэтического поиска одного из самых популярных советских поэтов.

Стихи

* * *

Когда я вижу, как цветок в апреле
Развертывает лепестки свои
И бабочки, что в травах занестрели,
Вдруг замирают, словно в забыты,

Когда влюбленную встречаю пару, —
Пронизанные радостью пасквозь,
Они молчат в тени под линой старой, —
Я понимаю: это началось!

Упорно, неотступно прорастая
Внутри уже набухшего зерна,
Внезапно
                        сила — буйная, крутая —
От зимнего освободилась сна,

Смешала солнца яростные соки
С медлительными соками земли,
Запели птицы, розы расцвели,
И взмыл до пеба свет любви высокий.

Дремавший в ледяное время года,
Теперь лишь он диктует свой закон,
И, властвуя над силами природы,
Весенним миром правит только он.

★ ★ ★

Тренеца, купаясь в тепле,
Сыплет жаворопок свои трели.
— Для кого, дружок, на земле
Ты поешь в этот день апреля?

От дыхания ветерка
Шелестят еле слышно травы...
— Для кого, поклонись слегка,
Травы, шепчетесь вы лукаво?

Понимаю сердцем своим,
Что им пужно — траве и птице.
Видно, радость не в радость им,
Если не с кем ею делиться.

И, признав меня земляком,
Способ ищут они все вместе —
Бессловесным своим языком
Передать мне светлые вести.

Мне ясна их добрая цель.
Ведь не знают эти созданья,
Что меня одарил апрель
Древней силой всепониманья.

Я ведь их позабыть не мог,
И они таились в молчанье...

Словно детства хлебнул глоток
Вместе с чистыми их лучами!..

Из чужих городов и сел
Я вернулся, зпаньем богатый...
Но вот только сейчас вошел
В дом, где я родился когда-то.

* * *

Ветерок раздул занавеску,
Поиграл, да и был таков!
Но занес мне частицу блеска
Распустившихся за ночь цветов,
Свист стрижей и веселый щебет
Все ж добросил он до меня...
Жизнь как будто заново лепит
Золотое начало дня.
Новый день! Ты опять со мною!
Свежесть утра, голубизна
Со струей воды ледяною
Прогоняют остатки сна.
Что с тобой появилось вместе?
Только солнце?.. Иль все же тень?

Ты какою одаришь вестью?
Я люблю тебя, новый депь!
Принимал я тебя, не хныча,
И у пропасти на краю...
Что же ты впечатаеть нынче
В ненасытную память мою?

★ ★ ★

Апрель, апрель желанный
Сорвал замки с дверей!
И званый, и незваный,
Входите к нам скорей!

Апрель — пора открытий!
Распахнуты сердца.
Влюбленные, спешите!
Не стойте у крыльца!

Апрель, апрель зеленый
Шутя взмахнет платком —
Спадают с глаз заслоны...
Друзей мы в гости ждем.

Апрель, апрель лучистый!..
Ручьев звенящий бег...
Душа с душою чистой
Сплетается навек.

* * *

Как песни лимбы — трепетной свирели,—
Все месяцы весенние чисты.
Но лучезарней месяца апреля
И между ними не отыщешь ты.

И, тесноту оставив городскую,
Я в степь иду, в расплесканную гладь,
И с наслаждением целый день смакую
Цветущую, живую благодать.

Оттенками богата степь песметно,
Лиловость, ярь и золото вобрав,
И чувствую — душа моя бессмертна
В горячем, буйном ликовапье трав.

* * *

Тучи появились в небе чистом,
Потемнели, дали обложив.
Над землею с трепетом и свистом
Низко-низко реяли стрижи.

Ветерок, повеяв из-за гребня,
Всю округу пронитал насквозь
Долгожданной влагою целебной...
К ночи — представление началось.

Прокатился гром раскатом смеха,
Молния рукою озорной
Разорвала небо,
и в прореху
Хлынул дождь — веселый, проливной.

Так хлестал, что небу стало жарко!..
Лишь наутро он утих вполне,
И сквозь радугу, как через арку,
Въехал десть на золотом коне.

Солнце, землю обсушив на славу,
Сеяло лучи во весь размах,
И деревья, и цветы, и травы
Удлинялись на моих глазах.

* * *

То, что воздух душистый, степной —
Все равно что аршан¹ молодящий, —
В этом я убеждаюсь все чаще,
По просторам блуждая весной.

Вот и пыиче, прекрасно устав,
Я поднялся неспешно по склону.
За спиной у меня — Элиста,
Луг шумит подо мною зеленый...

Как щемяще знаком этот вид!..
Опираясь на пожки петвердо,

---

¹ А р ш а н — пектар.

Жеребенок подпаялся... Стоит...
В матку тычется длинною мордой.

Снова взят я полынью в полоп,
Горький дух ее мил с малолетства...
Точно я не взобрался на склон,
А спустился в далекое детство!

И, как в детстве, весна — хороша,
Небо чисто. Пьянит разпотравье...
Вправду, молодости аршан
Степь влила в меня, годы убавя.

И тех, кто встретится в пути,
И тех, что там, в прошедшем, были...
Ты словно смог себя пайти,
Очистился от едкой пыли...

Отлично жить, людей любя!
Ты дышишь легче и свободней.
И веришь: может, и тебя
Все любят... Ну, хотя б сегодня!..

★ * ★

Ой, весна!.. Не балуй гляди!
Силу глаз голубых не пробуи!
Молодых парней пощади!
Не смущай их своей особой!

Не маши им цветком, шутя!
Не вноси в их сердца тревогу.
Стой, послушай меня, дитя,
Я ведь опытнее намного...

Простодушных юнцов не тронь!
Эк ведь, как ты их закружила!
Ой, гляди, чтобы твой огонь
И к тебе не проник бы в жилы!..

Ты другим дурман не готовь,
Опьянись своим же зельем...
Обожжет и тебя любовь.
Распростишься тогда с весельем...

Озорно хохочет она.
Подбежала... Блеснула рядом.
И меня полоснула взглядом...
Ой, пропал!..

Пощади, веспа!

* * *

Зеленая, еще не колосится
И все-таки высоко подпрыгнула...
Густая шелковистая пшеница
Блестит на солнце и ласкает глаз.

Ее простая прелесть не тревожит
И словно бы загадок лишена,
Но из красот весны она, быть может,
Всех больше человечеству пуща.

И я люблю ее, рядом стоя,
Так, будто сам, с волнением, тоской,
В соавторстве с землею и подою
Замыслил некогда ее такой.

И позже — с вдохновеньем и искусством
Растил, лучами растопивши лед,
И вот теперь с таким ревнивым чувством
Слежу за продолжением работ...

Молю, чтоб мир она преобразила,
Желанья наши воплотив вполне...
Как будто я в нее вложил все силы,
А силы вдвое прибыло во мне.

* * *

Кудрявый, на пожках точеных,
Руном серебристым блестя,
Малыш, трехпедельный ягненок,
Резвится в степи, как дитя.

Он так взбудоражен игрою
И силой окрепнувших пог!
Точь-в-точь как дитя озорное,
Подпрыгнул, песется вподскок,

Головка — пемпожечко набок...
Ой! Что-то стопт впереди!
Втянул удивительный запах
И словно воскликнул: «Гляди!»

И в том же восторге ягпячем,
Что счастьем зовут у людей,
Смешно, победительно скачет
К встревоженной матке своей...

Весна ему дарит обновы.
Лижет кудрявый, шалит...
Он, словно цветочек махровый,
Со степью апрельскою слит.

ЗАПАХИ ВЕСНЫ

Сегодня, услаждая чувства
Дыханьем теплым ветерка,
Я думал о путях искусства
И фантазировал слегка.

Обогащающее души
Искусство окрыляет нас,
Лаская музыкаю уши,
Чаруя живописью глаз.

Но есть еще одна дорога,
Искусство есть еще одно...
Пока его не судят строго.
Ему названье не дано.

И все ж подчас
воспоминанье
Встает пред нами во плоти
Лишь потому, что обопянье
Нам помогло его найти.

Подчас среди запахов безымянна
Повеет ветерком степным,
И милые всплывут картинки...
Мы радуемся. Мы грустим.

Бывают запахи, в которых
О близком счастье скрыта весть.
Все пахнет: пыль, песок и порох.
У чеба тоже запах есть.

И может быть, явился кто-то,
О ком вот-вот узнает мир.
Кто запахам придумал ноты
И написал по ним клавир.

И может, я о нем услышу,
Прочтя на выступе степы
Необычайную афишу:
«Концерт из запахов весны».

* * *

Весна... Мне кажется порой,
Что в это радостное время,
Что именно сейчас — весной
Всех знаний созревает семя,

Что все открытия на земле —
Из будущего, из тумана —
Весенний луч, сверкнув во мгле,
Как будто высветлил неожиданно,

И смысл, который в них сокрыт,
Он сделал силою могучей,
Той, что людей вперед стремится
И направляет к жизни лучшей.

В апрельский светлый день удач
На землю к нам явился гений,
Чей мощный разум был горяч,
Как животворный луч весенний.

Мы, люди, следуя лучу,
По лестнице многоступенной
Стремимся вверх...

И я шенчу:

— Весна, о будь благословенна!

* * *

Затрепетали лепестки тюльпана,
И развернулся медленно бутон,
Как будто вскрылась розовая рана...
Мне кажется, я даже слышал стон.

И мне подумалось: живая клетка,
Когда желает свой продолжить род,
Вот так же — и мучительно, и редко —
Двонется — и похоже! — смерти ждет.

Наверно, так страдает все живое,
Когда решится быть живым и впредь!
Чтоб в бытие перешагнуть иное,
Страдание должно все потерять.

И храбрый знает, что мужаться надо,
Он закаляет разум, дух и плоть,
Чтобы свою преодолеть преграду,
Чтоб собственную боль перебороть...

Но тот, кто, боль преодолев земную,
Подвинул человечество вперед,
Стяжал навеки славу мировую, —
Он, словно светоч, в высоте плывет.

* * *

Я, прошагавший от начала
Путей своих изрядный срок,
Апрелей множество встречал я,
Им посвятил немало строк.

Апрель в степи душист и светел,
Он — словно жаворопка трель...
Но пылче я среди степи встретил
Совсем особенный апрель.

И чувств и мыслей в нем — излишек,
Он сын невиданной весны.
Он словно гений меж братишек,
Что менее одарены...

* * *

В часы, когда я думаю о нем,
Когда его портрет со мною рядом,
Мне представляется Река Времен,
Она взлетает, падает каскадом,
То бешено ликуя меж камней,
То с плачем слясь разорвать границы,
А он всю мудрость, что сокрыта в ней,
Вбирает, не утратив ни крупинцы.

Все достиженья смелого ума
Постигнув и найдя меж ними звенья,
Он, Ленин, — мудрый, точно жизнь сама, —
Создал великое свое ученье,
То, что, грядущему расчистив путь,
Вдаль протянуло солнечные нити...

Скажите, есть ли в прошлом кто-нибудь,
Кто мог бы с ним равняться?! Назовите!

Нет, как бы ни был древен шар земной
И сколько б ни сменилось поколений,
Меж гениев, рожденных под луной,
Еще не видели таких, как

Ленин.

* * *

С тех пор как вертится Земля,
Все те, кто жить на ней достойны,
Душе стремиться вдаль веля,
О счастье мыслят беспокойно.
Как вырастить его цветок?..
Ты им хоть чем-нибудь помог?

Поняв, где истина, где ложь,
Стать всех других неутомимей
И мыслью творческой умножь,
Что было найдено другими.
Лишь мысли благодатный сок
Прекрасный вырастит цветок.

РЕЛЬСЫ

Побежали по ровной пизине,
Изогнулись слегка на мосту...
Где конец этих сдвоенных линий,
Этих рельс, что пришли в Элисту?

Моему повпнуясь желапью,
Мысль несется за рельсами вслед
Через климаты и расстоянья,
Зимы, весны, закат и рассвет.

И я вижу — степные просторы
Паутиной путей сведены
С той далекой чертой, за которой
Слышен гул океанской волны.

РАЗДУМЬЕ

Над степью снег кружится, хлопья множа,
Он, словно врач, хлопочет над больной.
И трещинки на обгорелой коже,
Как ватой, покрывает белизной.

Кружится снег по всем степным дорогам,
И в лад ему, в таком же ритме строгом,
Я поневоле думаю о многом...

...Мы все считали (времени — примета!),
Что зло стихийных сил побеждено.

Но если б, если пышешнее лето
В Калмыкию пришло давным-давно,
Когда бы раскаленная, пагая —

Не пыче летом, а в былые дни! —
Стонала стена, жестоко обжигая
Верблюдов мягкие ступни,

Когда б страдала так же нестерпимо
Без дуновенья ветра, без питья,

Тогда бы вряд ли увидала зиму
Ты, милая Калмыкня моя!

Живут в преданьях
дней миновавших беды,
Рассказ о лихолетии земли,
Когда сгорело все...
И паши деды
Иль погибали, иль с сумою шли.

А пыче ты — не жертва хаи Эрлика,
Тебя владыка смерти не постиг.

Ты — под охраной Родины великой,
И братьев и сестер твоих.

Окружена заботой и любовью,
Ты одолела бури и жару,
И вот — в расцвете силы и здоровья
У матери ты пыче на пиру.

И ты, как все ее другие дети,
Несешь ей лучшие дары свои,
Справляя с ней пятидесятилетье
Большой, родной твоей семьи.

Смогла ты — не впервые! — убедиться,
Что поговорки не стареют век.

Народ изрек:

«Сильна крылами птица,
Слеп друзьями человек».

Пословицы старинной не паруса,
Ты славись благо братства...

С высоты

Слетает снег. И наполняет душу
Всею свежестью искристой чистоты.

КИПУЧИЙ МИР ТЕБЯ ЗОВЕТ

Чем старше делаешься ты,
Тем жизнь становится желапней,
Являя прелесть пестроты
Своих многообразных грацей.

Кипучий мир тебя зовет,
Влечет к себе преодолимо,
Он возраст не берет в расчет,
Не хочет, чтоб прошел ты мимо.

Потоком жизненным влеком —
Бежишь, бредешь ли еле-еле
Мальчишкою или стариком,—
Ты все равно стремишься к цели.

Задуманное — свершено.
Но ты недолго этим запят.
Ты на минуту счастлив, по
Другая цель встает и манит,

А эта — новую зажгла,
Забрасывая искры в даль...
Огням высоким пет числа:
Как маяки над миром встали.

Предельной цели в жизни пет,
Как пет последнего желанья,
И с прекращением дыханья
Лишь ближней цели
гаспет свет.

БУРАН

Черный колючий ветер не смолк:
Стоплет, скулит, гудёт...
Остервепись, как голодный волк,
Воет ночь напролет.

Хриплые всхлипы его вытья
Душу гнетут и жгут.
Чует, тоскуя, душа моя:
Близок буран — зут.

Снежные бури в степи страшны.
Мечутся овцы, дрожат.
Как вы теперь там, друзья чабапы?
Нет вам пути назад!

Души свои вам спасти пельзя —
Струсив, бросать овец.
Если копец вам придет, друзья,
Овцам — тоже копец!

Выбор таков: или насмерть стой,
Или иди папрямик!
С бурной степью
                                своей судьбой
Ты обручен, калмык!

В бурю тебе не поможет бег.
Зут — о шести ногах.
Знаю, ты помнишь, степной человек:
Зута страшней — страх!

Друг, перед бурей глаза не жмурь!
Мало ль мы знали бурь?!
Мало ли встреч с исадямями тьмы,
Братья, выпесли мы?!

Знаю, ты помнишь: отважный прав
И победит в бою.
Вызов сильнеешего чество привяв,
Мпожишь сплу свою.

В ОЖИДАНИИ САМОЛЕТА

Апрельский день был синь и бел,
Гудел народом зал,
Где я во Внукове сидел
И самолета ждал.

Мы рано прилетели.
Я час провел в безделье,
Но все ж, по правде говоря,
Провел его не зря.

Внося с собою летний жар,
Одеты ярко очень,
Мне показали свой загар
Прибывшие из Сочи.

Привычные к земле во льду,
К полярному молчанию,
Снимая шубы на ходу,
Входили норильчане.

И степняки, и дети гор,
Художники, рабочие...
Великой Родины простор
Увидел я воочию.

* * *

Неуловимы памяти законы,
И человеку трудно их постичь.
К могучей яблоне, слегка склоненной,
Я подошел, чтоб ветки ей подстричь,
С большими ножницами наготове...
Взглянул... И тут же замер, обмлев.
И сердце облилось внезапно кровью...
Вдруг вспомнил я одно из тех деревьев,
То самое, то, что давным-давно,
В те времена, в разгар жестокий боя,
Спасло мне жизнь, прикрыв меня собою,
До сердцевины пулей пронзено.

И разом изменилось все вокруг:
Гремят орудья. Жаркий бой идет...

И вижу: резко наклонясь вперед,
На землю падает мой лучший друг...
Все ясно, все — как будто паяву:
Убитые, дымки разрывов... Поле...
И я невольно застонал от боли,
Роняя пожницы в траву.

* * *

Ребята, не пришедшие с войны,
Живыми посещают наши сны.

Родимых братьев мне они родней...
Так много провели мы славных дней!..

Уроки мы учили сообща,
При имени девичьем трепеща,
Влюбленные, мечтали в должный срок
И первый жизненный прошли урок.

Товарищей, погибших на войне,
Всегда живыми вижу я во сне.

Когда ж по знаку вспыхнувшей зари
Внезапно в клочья разлетится сон,

Мне все же шепчет кто-то изнутри:
«Мы здесь, дружище!.. Нами ты слеп...

К тебе мы будем приходить и впрямь...»
Они — со мной, друзья далеких дней!
Пока я жив, кто может их стереть
Из разума ли, из души моей?..

Любой из мертвых — жив и невредим,
Пока мы в памяти его храним.

* * *

Бывало, к домбре прикасалась ты вдруг
Рукою певучей, рукой своей белой.
И тотчас домбра откликнулась, гудела
И ливни веселья струила вокруг.

И с места срывалась, ярясь, распаялась,
Могучие парши. Они что есть мочи
С притопом пускались в пенстовый пляс.
Метали огонь соколиные очи.

И каждый по кругу стремился к одной,
Чьи взгляды манили, влекли, колдовали,
Он бил каблуками о пол земляной,
Да так, что засохшие корки взлетали.

И плеч калмыцких красавиц в кругу
Парней задевал, и ширилась буря.
Сгибался блестящий сапог на бегу
В фигуре мольбы — знаменитом «мольджуре».

Но я не за пляской следил в этот миг —
За белой рукой, за ее пятпучьем.
Чтоб только со взглядом не встретиться жгучим
Двух огненных глаз — двух сияний твоих.

...Где радость, где горечь далекой поры?
Не раз о грядущем мечтал я, бывало...
А нынче прошедшим грядущее стало
И в сердце гудит, словно отзвук домбры.

* * *

Что было «до»?

До дня, когда

Весна справляла торжество

И ты ступила на порог?..

Да что ж я делал в те года?

Чем жил тогда?.. И для чего?

Как вообще-то жить я мог?!

* * *

Когда лютует злой мороз
С метелицей-сестрою,
Считаем пору летних гроз
Чудесною порою.

Когда томит июльский зной
И от жары чуть дышим,
Январь с пургою ледяной
Прельщает счастьем вышним.

А упонительные дни
Меж холодом и жаром —
Проходят мимо нас они,
Мы их теряем даром...

Ценить лишь то, что не дано,
Нам суждено рождением,
И роком определено:
«Что есть, того не ценим».

ДЕТИ ПЕРЕХОДЯТ МОСТОВУЮ

По шумливой улице иду я.
Вдруг затихло все вокруг меня:
Дети переходят мостовую,
Ножками усердно семеня.

Словно сквозь поток бурлящей речки
Твердая тропинка пролегла.
По двое топочут человечки,
Обсуждая важные дела.

До чего серьезны — поглядите! —
Эти люди о шестом году.
Много замечательных открытий
Сделано сегодня на ходу.

Все для них существенно и пово
В этом мире гулкой пестроты.
«Детский сад» — я понял это слово! —
В нем щебечут и растут цветы.

И не даром все движенье стало.
Легковые выстроились в ряд.
На ребят внимательно, устало,
Как слоны, грузовики глядят.

И шоферы, хмурые мужчины,
Трудный совершившие маршрут,
Подобрили, приоткрыв кабины,
И задержки лишней не клянут.

Я и сам, забыв свою работу,
Улыбаюсь чуть ли не до слез,
Будто мне совсем недавно кто-то
Весточку хорошую принес.

МОЙ РАЗГОВОР С СУСЛИКОМ

В месяце цаган — душистом, чистом —
Чуть в Калмыкию пришла весна,—
Оглашая степь весенним свистом,
Суслик пробудился ото сна.

Вылез он, пушистенький, из норки
И стоит, как столбик, на пригорке —
В настроении, видать, отличном...
— Здравствуй, суслик! Все ж тебе я рад!..
Ты ж, в конце концов, не виноват,
Что питаешься зерном пшеничным!

Вот ведь что природа учудила:
Бич полей, ты — мой исконный враг!..

Эх, ловил бы ты мышей, мой милый,
Мы б тебя носили на руках,
Воспевали бы в поэмах славу,
А не подсыпали бы отраву!

Все же не сердись на нас, людей...
Будь ты посильнее, полютей,
Помеяйся ты местами с нами,
Ну, а мы, мы, ставши грызунами,
Пожрали б зимний твой запас,—
Разве, суслик, ты щадил бы нас?!

Но пока не изменились роли,
Примиись, бедняжка... Потерпи!..
Если вас останется в степи
Этак пять или шесть семей, не боле,—
Люди вас немедля отличат,
Тотчас же изменят прав свой жесткий
И твоих малюток сусличат
Стапнут, может быть, кормить из соски.

Выстроят вам лучше дома
(Надо ж все же виду сохраться!)
И для вас наполнят закрома
Самою отборною пшеницей...

Будешь ты с семейством как в раю!
Нужно только подождать, конечно...—

...Не дослушал суслик. И поспешно
В норку сунул голову свою,

Кудым хвостиком повел слегка,
Может статься, в предвкушение рая,
Может (кто поймет его, зверька?),
Вдруг меня за что-то презирая?..

Так пль нет, но он вильнул задком,—
Кабы мог бы, так захлопнул двери,—
И укрылся в норке целиком,
Доброте моей не слишком веря.

* * *

Не признавая никаких препоп,
Струится музыка — во всех, над всеми...
И мысль моя,
                    спеша за ней вдогон,
Летит через пристрастия, через время.

В Грядущее мы перепесены.
Корабль жизни здесь плывет иначе:
Не ветром паруса его полны,
Но силой разума — всеущей, зрячей...

Теперь язык по-новому красив,
Сменились словари — все, без изъята.
Ввели потомки, в буквах закрепив,
Пока певедомые пам попятя.

А наши устарелые слова?..
Одни умчало времени течение,
Другие, форму сохранив едва,
Переменили краски и значенье.

...Но ты, но ты, пройдя через года,
Ты, музыка, не знающая слова,
В Грядущем сохраняешь навсегда
Печали и стремления Былого.

Взглянуть на это чудо въяве
Могу я наконец теперь...
Нет, быть под крышей я не вправе!..
И я скользнул тихопко в дверь...

Я к морю шел...

Навстречу песся
Свирепый и победный рев.
Казалось, у камней утеса
Грызут друг друга сотни львов.

На побережьи — безлюдье
И гул... Но он теперь знаком:
Я слышу явственно:

орудья

Палят на берегу морском.

Залп... Слова залп... И брызгов заметь.
Вода взмывает ввысь, пыля...
«Ты вспомнил? — подсказала память.—
Но там взмывала ввысь земля».

А память все зовет куда-то
И душу раздвигает вширь...
Я вижу — движется косматый,
В тяжелых латах богатырь.

За камнем поднимает камель...
Склонился над пучиной вод.
Гороподобными руками
Оп море за́ ворот берет...

Кто оп?.. Из эпоса? Иль, может,
Из сказки Пушкина пришел?
А море бьется, море гложет
Свой пояс — каменный свой мол.

И выгибается от злобы,
Пытаясь разломать грапит...
Когда излить оно могло бы
Ту силу, что его теснит?!

Все потонуло в клубах пара...
Но там, где брезжит оком,—
Там белорунная отара
Мелькает, ринулась бегом...

Как бы спасаясь от погоны,
Бараны мчатся папрямик.
Нет; это не бараны — кони!
И каждый сказочно велик.

Несутся кони вскачь, ретиво,
Сломали колья городьбы...

Копь исполинский, белогривый
Прорвался... Взвился на дыбы

И рухнул. Подбегаю ближе...
Но где он? Больше нет копя,—
Собачки белепские лизут,
Ласкаясь, поги у меня.

Я наклоняюсь к пенным водам,
Но вновь растет, гремя, накат.
А в воздухе так пахнет йодом!..
Я буре, как мальчишка, рад,

Хоть галькой больно пехместало,
Хоть все на мне мокро пасквозь...
...Но шторм примокк мало-помалу.
Притихло море. Улеглось

И словно задремало, лежа.
Чуть-чуть вскипает на краю.
Сейчас оно точь-в-точь похоже
На степь весеннюю мою.

Оно такое, как вначале,
Когда я свел знакомство с ним.
Ласкает солнышко лучами
Волос его пушистых нимб...

Оно как будто опочило,
Смирилось. Но понятно мне,
Какая бешеная сила
Таится в этой тишине.

И больше нет доверья к тиши:
Вот-вот взорвется — только тропь!
В ней словно в пушкинском двестище —
Шутливом даже! — скрыт огонь...

Все ж море дремлет, душу полня
Могучим счастьем бытия...
...Спасибо, море!

Черных молний,
Признаться, не увидел я.

Но прикоснулся на миг к
К храплицу глубинных сил,
И что-то новое как будто
В себе самом я ощутил.

В восток страстей и вдохновенный
Поглубже заглянул на миг
И Пушкина всевластный гений
Опять по-новому постиг.

* * *

Одолевая неудачи,
Упрямо двигайся вперед,
От всех свою усталость пряча,
К той цели, что тебя зовет.

Пусть даже велпка помеха —
Не жалуйся, собой владей!..
Не льстись на блеск лжеуспеха,
Но верь в себя. И верь в людей.

И, пред собой и миром прав,
Ты все ж достигнешь цели трудной,
Той, что мелоднею чудной
Тебя звала, тебя избрав.

* * *

По просьбе некого поэта
Я взял стихов его тетрадь
И стал с надеждою искать
Таланта свежего приметы.

Сперва порадовался очень:
Он славно формой овладел,
Язык его довольно точен,
Едва ль не каждый образ — смел.

Как будто бы он ценит слово...
Но вскоре мой восторг поблек:
От строк поэта молодого
Шел стариковский холодок.

Для доброго, живого чувства
В тетради места не нашлось.
От сердца — разве только злость,
Все остальное — от искусства.

Но даже лучшей подделкой
Не возместите солнца свет...
Бывал ли на земле поэт
С душой нелюбящей и мелкой?!

И я отбросил прочь невольно
Стихи без сердца, без любви,
Как будто кто-то очень больно
Надежды обманул мой.

* * *

Порой высокое смешно
И вызывает раздраженье,
А в низком — цепное зерно...
Какую выбрать точку зренья?

Всего труднее на пути —
Хоть пройдено уже немало! —
Ту точку зренья пайти,
Чтоб с точкой Истины совпала.

ИЗ ФРОНТОВОЙ ТЕТРАДИ

ДЕВУШКЕ, ПОБЕДИВШЕЙ ПУСТЫНЮ

Жестокая дорога длится, длится...
Жара. И жажда наша велика.
Пустыня Гоби лижет наши лица
Палящим ветром, струями песка.

Пыль в сапогах. Опа — меж пальцев стертых.
Бредем, с трудом преодолая боль.
На желтых, пропотевших гимнастерках
Налетом белым проступает соль.

Тропинка пзвпвается змепно.
Все пестерпимей желто-серый ад.
«Воды! Воды...»

И валится мужчина,
Видавший виды, опытный солдат.

Ты у него расстегиваешь ворот,
Клонясь над ним, как деревце в степи.
Ты говоришь ему:

— Колодец скоро!

Друг, собери все силы!.. Потерпи!

И ты по капельке вливаешь влагу
Солдату в щель обугленного рта.
И вдруг

с испугом опускаешь флягу:

Ни капли больше!.. Выпита. Пуста.

А в наших фляжках, в каждой — поемногу,
По две-три капли — все же есть на дне.
И ты идешь на хитрость: — Ради бога!
Глоток воды!.. Нанитесь дайте мне!

Ну, в чем тебе мы отказать смогли бы?!
Мы все до капли слили вместе: «Пей!..»
Но эту воду, прощептав: «Спасибо!» —
Ты отдаешь тому, кто всех слабей.

Бросая вызов скудости и злобе,
Все отдала ему — добра, светла...
...И победили мы пустыню Гоби
Не потому ль,

что с памп ты была?!

* * *

О милая, ты, как весна, хороша,
Как наша весна, чья живая душа —

В плепительном трепете травок-решниц,
В живительном щебете славок, синиц...

Весна прошептала мне успела: — Приди! —
И радость опять закипела в груди...

А ветер щекочет дыханием цветов,
А воздух — и сочеп, и сладко-медов.

Весна меня манит, в просторы зовет...
Но вдруг за холмом затрещал пулемет.

Гудят самолеты. Взлетает земля.
За бомбою бомба взрывает поля.

Кто знает? Быть может, сейчас, на ходу,
Я словно запущусь, я согнусь, упаду...

Остаюсь навеки меж травами тут,
А может, калекой меня упесут...

Но будет весна и тогда, без меня,
Цветы раскрывать, словно пчелка звезя,

Всем, всем раздавать их, любовью дыша...
О милая! Ты, как весна, хороша.

Но я заклинаю, чтоб в сердце своем
Примера с весны не брала ты во всем.

Приветлива ты, и печна, и добра,
Но, друг мой, не будь безрассудно щедра,

Подобно весне, что всем людям сродни!..
Ты ласку свою для того сохрани,

Кто полон тобою и только тобой,
Кто с именем милой бросается в бой,

Чье сердце и прав на особую стать!..
Не падо, родная, веспе подражать!

Молю тебя, мпая, будь мне верна!
Но — боже мой! — ты хороша, как веспа...

* * *

Облик твой, точно небо чистое,
Вслед за мной плывет сквозь года.
А душа твоя — утро лучистое —
У меня в душе навсегда.

Мне привиделась юность ясно,
До мельчайшей, тонкой черты,
Словно время больше не властно.
И встаешь предо мною ты.

В гуле боя, в залпах орудий
Воспаял мне глаз твоих свет —
Как прапамять о давнем чуде...
Понял: ждал тебя тысячу лет.

Твердость с нежностью, не сливаясь,
Истерзали душу твою.
Гнев, любви весенняя завязь,
Истязали душу твою.

Ты была и твердой и стойкой
На посту своем боевом,
А склоняясь над больничной койкой,
Ты дышала нежным теплом.

О любви я шепнул когда-то,
Не всегда мы молчать вольны!
Ты зарделась и виновато
Отвечала: «После войны...»

«После»... Места нету надежде!
Все убито пулей врага.
Но любовь та жива, как прежде,
И, как прежде, мне дорога.

Поэмы

КОРЕШЬ

По степи́ лежит мой путь...
Воздухом благоуханным —
Чудодейственным аршапом —
Вповь я наполняю грудь.
Снова степь вливает в жилы
Ощущенье вешней силы.

Трав душистых стебельки,
Как бы наперегонки,
Стелются за мною, как бы
Провожая... Запах камбы¹ —
Милый с детства, пряный, острый —
Снова мне щекочет поздри.

---

¹ Камба — степная трава.

Чуть глотнул я дух полынный —
Сразу с зоркостью орлиной
Увидал, что миг назад
Не узрел мой ясный взгляд,
То, что пряталось в тумане,
Не смело очертаний.

Стал пым степной мираж:
Зыбкие его зигзаги —
Точно чей-то карандаш
Набросал их на бумаге —
Превратились в письма,
Только суть их — не ясна.

Как понять, что в них таится?
Как мне прочесть странцу
Сказа тех далеких дней,
Что в прапамяти своей
Сохранили наши дали
И на небе начертали?

Я в мираж впиваюсь глазом,
Напрягая тщетно разум,
Тесен разума предел,
Он — во власти здешних дел,
Никуда от них не деться!
Тайны — это сфера сердца.

Сердцем я ищу разгадку...
Дремлет степь и дышит сладко,
Солнце поднялось в зенит...
Вижу, что-то вниз летит:
Солнце бросило мне луч —
К древней тайнописи ключ.

И раскрылись предо мной
Буквы, вписанные в прѣсишь:
Песни радости земной —
Шестьдесят их всех и восемь! —
Песни гнева и печали —
Все сто восемь — зазвучали.

С легким золотом луча
Стройное смешалось пенье,
С ним в одном ладу звуча,
И расширилось мгновенье
Так, что вдруг в себя вместило
Все, что будет, есть и было.

Увидал я во плоти
День сегодняшний, ведущий
Из былого дня в грядущий.
Не снеса во тьму уйти,
Образуя бесконечность,
Предо мной предстала Вечность.

Все мельчайшие частицы,
На которые давно
Время подразделено,
Оказалось, могут слиться,
То, что таяло во мгле,
Пыльце — рядом, на земле.

Все «сегодня», все «вчера»,
Ночи, дни и вечера,
Месяцы, года, столетия —
Вместе все, при ярком свете,
Кружатся привольно, цельно,
Нерушимо, нераздельно...

Мощного потока ход
Двигают медленно вперед
Воль отдельных миллионы,
Направляя неуклонно
(Хоть совсем не просто это!)
Весь поток к Добру и Свету.

Древний оседлав панев,
На спину к нему воссев,
Став частицею потока,
Устремился я далеко,
В те миновавшие года,
Где я не жил никогда.

...Та же степь, и те же травы,
И все так же велпчавы,
Как мгповенне пазад,
Широко раскинув крылья,
В синеве орлы застыли...
Но в степи — кибиток ряд.

Не видать нигде народа,
Словно весь хотоп уснул...
Через дырку дымохода
Я в кибитку заглянул
И отпрянул... Под кошмой
Трупы сгубленных чумой!

Вдаль смотрю смятенным взором,
Вижу: вьется черный ворон,
Точит клюва острие,
Окликает братьев дико, —
Тело мертвое калмыка
Жадно делит воронье.

Стои в степи и плач тягучий,
Всюду мучится народ...
Лишь порой звездой падучей
В темноте любовь блеснет,
Да из дѳма, где богатый,
Пира слышатся раскаты...

Боль меня томит и гнев...
Тени страшные былого
В памяти запечатлев,
Жажду я увидеть снова
Наши дни...

Но, погляди,
Кто-то скачет впереди!

Вижу я отряд степной:
Островежные шеломы
И виштовки за спиной...
Лица всадников знакомы.
Скачут, мчатся в конном строе
Детства моего герои!

С красным знаменем в руке
Мчатся к новым поколениям...
— Наш цепец¹ — премудрый Ленин! —
На калмыцком языке
Меж собою говорят...
В наши дни спешит отряд.

И по долам и по взгорьям
Скачет на лихих конях...

---

¹ Ц е п е ц — мудрец.

Я и раньше знал, что корень
Счастья — в тех суровых днях,
Но когда правдиво слово,
То оно извечно ново!

В наши дни опять вступаю.
Стень сегодня зелена,
Жажда степи вековая
Наконец утолена:
По степи потоки льются,
Над водою чайки выются.

Не табун тысяченогий
По дороге проскакал, —
По железной по дороге
Мчится поезд — аранзал¹.
В облаках летит не птица —
Самолет в Москву стремится!

Слышу песню восхвалений
На калмыцком языке:
«Наш цецен — премудрый Ленин!» —
И вблизи, и вдалеке...
Это имя с дивной силой
День грядущий озарило.

---

¹ А р а н з а л — волшебный конь.

Он сияет чистым светом —
День свершений и чудес!..
Мне поведали об этом
Пачертания небес,
В письмена заветных книг
И умом и сердцем винок.

...Стень в лазоревой оправе.
Ароматы разнотравья...
Люди славят свой удел,
Люди радуются жизни,
И в душе растет
Отчизне
Благодарственный йорел '1

' Й о р е л — благопожелание.

ЯВЛЕНИЕ СЛОВА

Чингизу Айтматову

Душа моя, а все ли ты свершила?

М. Дудин

1

Весь день, всю ночь, пока не скрылся в сини
Глаз недреманный утренней звезды, .
Как тот, кто долго голодал в пустыне
И наконец дорвался до еды,

Так я, захваченный большой работой,
Не отходил от своего стола,
Писал и черкал до седьмого пота,
Писал, курил... Работа славно шла.

Виденья, чуть мелькавшие в тумане,
Приблизились ко мне — в росе, в пыли...
Иные сразу облик свой нашли:
Живые краски, ясность очертаний.

Другие ускользали. Но стремглав,
Как гончая, бросался я по следу
И ликовал, победу одержав,
И новую предчувствовал победу.

Стихи давались мне почти без муки,
А если хоть один бывал строптив,
С ним я справлялся, нрав его смирил...
И улыбался, потирая руки.

Я кончил труд.

И прочитал его
Весь, до конца... И вдруг поник смущенно.
Нет, мне не изменило мастерство.
Я соблюдал гармонии законы.

Суть — хороша. И форма — ей под стать.
Все стройно. И красиво — чрезвычайно.
«Но... — вдруг шеннул мне некий голос

тайный,

Но это можно бы и не писать.

Где вдохновенья своевольный свет? —
Въедался в душу мне ехидный шепот.—
Вещицу эту создал здравый опыт
Твоих, мой друг, пятидесяти лет».

На бледном небе разгоралась зорька.
Звезда померкла. И погасла цель.
И стало мне обидно, стало горько,
И, повздыхав, улегся я в постель.

И все, что пашентал мне тайный голос,
В далекий, смутный превратилось гул,
И отодвинулось, и раскололось
На брызги белой пены...
Я уснул...

2

Да, я уснул. Но в медленном круженье
И словно бы за матовым стеклом
Я вижу:

я, все в том же положении,
Сажу за письменным своим столом.

Но стол теперь не в комнатке тесной,
Где в напиросном я тонул дыму,—

Средь стены он — привольной, подпобесной —
Стоит, и мне понятно — почему.

Он — на вершине древнего кургана,
И это тоже мне ничуть не странно.

Со всем вокруг я осязаю связь
И чувствую невидимые звенья,
Не удивляясь ничему, дивясь
Лишь, может, своему неудивленью.

И разум, снова отдохнувший, свежий,
Свободно облетает даль и близь,
В пучины вод закидывая мрежи,
Вторгаясь в дебри, где года сплелась,

И бешеных копей моих желаний,
Объездив, мне приводит в поводу...
И утрепную вижу я звезду,—
Она мне лампой служит на кургане.

Я заполняю белые страницы —
Блестящие, как снежные поля,
Поэзией, какая миру снится,
Которой наша заждалась Земля.

Откуда эта музыка святая?
Где я такой источник смог найти?

Слова рождаются, сказочно мерцают,
Подобно звездам Млечного Пути.

Они мерцают отблеском печали
И радостью, что девственно-светла.
Они поводят круглыми глазами,
Им нет пачала, меры и числа...

И я, как равный — в звездном их кругу.
Свой тайный смысл мне открывают вещи.
Я и не знал, что так глубоко, вещи,
Что так пронзительно писать могу!

Как будто лишь теперь я сбросил путы,
И я вожу пером по белизне
Без низкой мысли нравиться кому-то,
Лишь ради правды, что открылась мне.

Все люди станут чище и моложе,
Когда увидят истины кристалл.
О, как создание это не похоже
На те стихи, что раньше я писал!

Стихотворенье это — словно пламя,
Разбрасывает искорками смех,
Рыдает настоящими слезами.
Оно заденет всех, изменит всех!

Неужто мне — из племени людского,
Мне, мне, кто не велик, не знаменит, —
Достался жребий написать то Слово,
Которое весь мир преобразит?!

В нем струйками горячим восхода
Переливается живая кровь.
Быть может, это гордое — «Свобода»?
А может, это нежное — «Любовь»?..

Не знаю... Только трепетность наптий
Перебегает, искрясь, по стихам.
Я это Слово людям передам:
— Вот, милые, любимые, возьмите!

И мужество, и мудрость — в слове том.
Меж небом и землей блистая гранью,
Оно всеочищающим огнем
Избавит всю планету от страданья.

Оно, перелетая рубежи,
Перегородки и границы руша,
Освободит людей от груза лжи,
Калечанцею беспощадно души.

Да, это Слово, в мир придя со мной, —
А я на свет родился не за тем ли? —

Все злое вырвет, словно зуб больной,
Теплом любви согреет пашу землю.

Оно, подобно тайному ключу,
Лежало в глубине, на дне песчаном.
Я ключ достал, и я его вручу
Моей Земле, моим друзьям — землянам.

— Дарю вам счастье! Вот оно, друзья!
Берите, овладейте им навеки!.. —
И — первый в мире — мир увижу я
Без горя, без единого калеки...

3

«Исчезнет подлость, клевета и грязь.
Где кровь текла — там воссияют розы...»
Я про себя шепчу... И, не стыдясь,
Струящиеся отираю слезы.

Восторгом чистым, умиленьем полный,
Средь степи я стою на крутизне,
А степь, высоко всенная волны,
По-матерински гладит ноги мне.

Со мной доверчиво ведут беседу
Цветы и травы, птицы, мотыльки

И поверяют просто, как соседу,
Секреты, что божественно легки!

Их тайны для меня сейчас открыты
И как бы поневоле входят в стих.
Душе моей, от суеты омытой,
Понятен каждый вздох и шелест их.

Мне мил и дорог склад их своеобразный:
Родство со всем живущим я обрел...
Крылом меня приветствует, как равный,
С небесных круч спустившийся орел.

И на листке затейливую вязь
Я вывожу и все не ставлю точку:
«Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку».

4

Причуды сна!.. Пишу строку во сне,
Но — странно! — в эту самую минуту
Какой-то частью мозга мнится мне,
Что это — сон и что не я как будто —

Ну да, не я! — людей обогатил
Одним из удивительных творений...

Нет, это сделал величайший гений,
Не я, не я... Но я при этом был...

И, этике привычной вопреки
(Конечно, и во сне мы красть — не вправе!),
Мне хочется — пускай по-воровски! —
Две-три строки заимствовать для яви,

С собою что-то упести из сна,
Запомнить — ну, хотя бы рифму, что ли...
И я хватаю рифму... Но она
Скользит из рук... Впился в нее до боли

Ногтями, чтоб не смела убежать...
Умчалась!.. Утомившись от усилий,
Я просыпаюсь... Комната. Кровать...
Что с головой моей?! Землей набили

Или камнями она полна?!
Я так устал... Сдержатъ не в силах дрожи!
А в мыслях: строки, отголоски сна...
Но, боже мой!.. На что они похожи?!

Где музыка?! Что случилось с мудрой сутью?!
Как будто там, где искрилась шелка, —
Там, на пожухлом стержне стебелька,
Висят сухие, жалкие лоскутья!

Как будто строки затянул туман,
Почти не видно их за слоем пыли.
Они как знаки инопланетян,
Тех, что когда-то Землю посетили,
Чтоб подружиться с нами, вероятно,
Но стерт их след, заметки их — певнячьи...

И чувство темное гнетет меня.
Как будто я на скачках мчался первый,
Но конь упал. Иль я загнал коня?!
И я лежу недвижно... сдали нервы...
Перед глазами — тусклая земля
И крови несколько багряных капель...

...Иль будто вышел я из корабля —
Там, в космосе... Но оборвался кабель,
И я болтаюсь в пустоте с такой
Невыразимо тягостной тоской...

Но что ни говори, он все же был,
Тот сон... Стихи, исполненные сил.
Я видел их вот так, как солнце вижу.
Они со мной сонрикасались ближе,
Чем это утро и его покой,—
Ведь я же их писал своей рукой!

Я и теперь могу поклясться снова,
Что это слово, правда, было Слово,

Способное всю жизнь украсить...

Но —

Откуда все-таки пришло оно?
Себя позднее я спрашивал нередко:
Быть может, дивного творенья свет
Снял когда-то в голове у предка?..

Тот предок гениальный был поэт,
Но ни письму, ни чтению не обучен,
И, не делясь ни с кем твореньем лучшим,
Безвестно жил, в мозгу его храня.
И память эта, сохраняясь в гене,
Прошла через десятки поколений
И озарила молнией меня.

А может, не стихотворенье это,
А неизвестная пока волна
С далекой и неведомой планеты?
Она была сюда занесена
И наполнилась глубоким смыслом новым,
Пока еще не выраженным словом,

И этот смысл, что был мне незнаком,
В моем сознании сделался стихом,
Как музыка далекая, донесся
В мой сон через пространства и века.

Как? Почему?.. Ответы па вопросы
Я все ищу... Но не нашел пока.

И все же верю, верю в добрый прав
Земли и человеческой природы.
Я верю: месяцы пройдут иль годы,
Но тайна сна предстанет, заблестав.

И, ускоряя времени течение,
Бессонная работница-луна
К ней все-таки поднимется, верша
Высокое свое предназначенье.

Ведь сон тот был!.. Не зря являлось мне
Стихотворенье дивное во сне!
Не зря не позабыл я и сейчас
Моей рукой написанную строчку:
«Людского зла и бури не страшась,
Орел парит высоко в одиночку».

ШАХМАТНИСТ

Стремление к симметрии — недостаток человеческого мышления.

Из высказываний философа

Гипотеза недостаточно сумасшедшая, чтобы обращать на нее внимание.

Из высказываний физика

Что нелегко и воле и уму
Вести ожесточенный поединок
С таким титаном шахмат, как Ботвинник,
Доказывать, пожалуй, ни к чему.
Все нервы точно собраны в кулак,
Когда вступаешь в честный бой за право
На первенство, на мировую славу,
И до заветной цели — только шаг.

Случайности возможны здесь едва ль...
Вот наконец последний день турнира...
Победа! Звание чемпиона мира
Завоевал гроссмейстер рижский Таль!

Как радостен его обратный путь!
Жизнь широка: друзья, природа, книги...
Пора, пора от шахмат отдохнуть,
Он долго к ним не прикаснется в Риге!

Да разве не найдет разрядки оп
В другом, таком же ярком интересе!
Ведь мозг работой перенапряжен,
Усталым клеткам нужно равновесье.

«Теперь досугом наслаждайся влать,
Ты нынче потрудился не на шутку!» —
Велит рассудок.

Но большая страсть
Сильнее здравых доводов рассудка.

Он дома — в Риге. Здесь он всем знаком.
Все жаждут повидаться с земляком...

Ведут беседу, попивая чай,
Но речь сама собой, мало-помалу
Дойдет до шахмат... Кто-то певзначай
Придвинет доску... И — пиши пропало!

В те дни забрел к нему «на огонек»
Врач-психиатр, теперь уже известный,
Друг юности и в шахматах знаток.
— Ну, поздравляю!.. Все идет чудесно.
Не сомневался я, что мастерство
Вознаградится... — говорит он другу. —

А кстати, Миша, окажи услугу
И обыграй больного одного.
На почве шахмат у него психоз.
В своем воображении воспаленном
Себя считает он сверхчемпионом,
Сразившим — утверждает он всерьез! —
Алехина и Капабланку разом...
А самому — семнадцать, черт возьми!

Послушай, друг, беднягу разгромь,
И, может быть, к нему вернется разум.

Смеется Таль: — Служить науке рад.
Одно меня смущает в этом деле:
Ты ждал меня и потерял недели...
Но неужели дать безумцу мат
Не мог ты сам, ты, шахматист искусный,
Ты, в наших тайнах сведущий вполне!

И врач ответил почему-то грустно:
— Он, Миша, не проигрывает мне.

...Таль верен обещаю...

Кабинет

Больничный блещет чистотою строгой.
Растений на столах и окнах много:
Успокоитель зеленый цвет.

Врач — на обходе. Тишиною сковав,
Таль размышляет: «Право, до сих пор
С безумцами я не играл... Каков он,
Умалишенный этот мой партнер!»

Дверь приоткрылась. Это друг вошел.
С ним — юноша, по виду необычный,
Он шел устало... С миной безразличной,
Не торопясь уселся он за стол.

Кривились губы, выражая скуку.
Но острый взгляд пронизывал, сверля...
— Знакомьтесь! —

мальчик подал Талю руку
Великолепным жестом короля.

Тонорщатся, как перья дикой птицы,
Вихры, хотя зачесаны назад...
А взгляд!.. Он обжигает, он искрится —
Тревожный, цепкий, вдохновенный взгляд!
Такой любого может бросить в дрожь...
А худоба! А утонченность линий!

(«Позвольте, на кого же он похож?
На Пагапани?.. Точно, Пагапани!»)

— Приступим? Я играю без ладьи,—
Учтиво юноша сказал партнеру,—
Не обижайтесь на слова мои
И на предложенную мною фору.

Да, мне послушна шахматная рать
В защите и в минуты наступлений...
И знайте, что меня — не обыграть,
Я в шахматах — непобедимый гений.

Рукою тонкой он смахнул туру...
Затем слона... И посмотрел на Таля:
— Без двух фигур я поведу игру...—
Казалось, что глаза его устали
От цепи нескончаемых побед...
Но психиатр сказал спокойно: — Нет,
Не будем нарушать обычных правил,—
И все фигуры на места поставил.

— Как вам угодно...—

Юноша опять
Блеснул глазами, улынувшись слабо.—
Но все же нужно гостю честь воздать...
Прошу, сыграйте белыми хотя бы...
Так выгоднее, книги говорят...—

Добавил он с язвительной усмешкой
И на соперника метнул свой взгляд:
Как видно, Таль ему казался пешкой.

«Но чем он все-таки к себе влечет!
На нем таланта, вдохновенья метка...» —
Подумал Таль и сделал первый ход,
Которым прежде начинал нередко,
Желая выиграть паверняка.
И так, как беркут с поднебесной сини
Бросается на слабого зверька,
Открыл свою атаку «Пагапини».

Накал игры все жарче... С двух сторон
Проделано ходов, должно быть, десять...
И на фигуры смотрит чемпион,
Пытаясь трезво положенье взвесить,
Пока игра вначале, в той поре,
Когда еще исправить можно промах...
Но с удивленьем видит он в игре
Ряд комбинаций — странных, незнакомых...
«Клянусь, что даже в юности, учась,
Я не знавал подобных положений!
Да неужели предо мной сейчас
И впрямь сидит какой-то новый гений
И всем другим далеко до него?!»
Однако верить в это не хотелось.

И Таль призвал на помощь мастерство,
Весь опыт свой, стремительность и
смелость.

В стратегию соперника он вник
И осознал, что, с правилами споря,
Мальчишка этот — за единый миг —
Расшатывает все столпы теорий.
Неверный будто бы, пежданпый ход
Ниспровергает старого основы,
Приоткрывая путь для шахмат новый...
Не по нему ль искусство их пойдёт?..

Безрадостным для Таля был дебют.
Игра уже подходит к середине,
И, нет сомнений, белые падут,
Ведь явный перевес у «Паганини»!

Не к чести чемпиона этот спор.
«А я играл, как только сил хватало,
Как не играл с Ботвинником, пожалуй...» —
И Таль в смятенье пот со лба отер.

Соперник про себя бормочет: «Жаль...»
Но вот уже король почти повержен,
И в поражение расписался Таль...
Что оставалось!.. Мат был неизбежен,
Еще всего три хода, и... копец!

Таль помрачнел. А врач пожал плечамп,
Лишь победитель — худенький юнец —
Был горделиво сдержан, как вначале,
И, как соперник вежливый, культурный,
С учтивым наклоном головы
Утешил Таля: — Не смущайтесь... Вы,
По-своему, играете педурно.

— Спасибо, — чемпион ответил хмуро
И начал снова расставлять фигуры.
— Хотите партию еще одну? —
Взглянув на Таля, догадался «генш», —
Я выиграть ее не премину,
Как первую... Однако ж уваженья
Намеренье заслуживает ваше.
Все игроки мечтают о реванше.

Победа ль «Пагачипи» усышила
Иль заменила творческая сила,
Но сразу же ошибку сделал он.
Воспользовавшись ею, чемпион
Стал быстро паступать... Соперник юный
Оборонялся храбро, точно лев,
И все же новый чемпион подлупшой
Закончил бой, безумца одолев,
Однако же ценой больших усилий...

И юношу как будто подменили.
Как будто бы иное существо
Предстало Талю... «Паганини» замер,
Уставясь в доску тусклыми глазами.
Казалось, он не понял ничего,
Но — не узнать прекрасных прежних глаз:
В них дерзновения огонь погас.
Бедняга так несчастен был на вид,
Своей печалью сердце Таля тронул.

А врач вскричал:

— Как видишь, ты разбит!

Ты — победитель стольких чемпионов!..
Все это — бред. Тебе лечиться надо!
Ты с шахматистом низшего разряда
Играл сейчас и победить не смог!
Какой ты гений?! Ты — плохой игрок!

Так врач пытался исцелять больного.

А Таль молчал в смущенье и тоске.

«Ложь, ложь и ложь!.. Не верь!

Не верь ни слову! —

Вертелось у него на языке.—

Ты — шахматист редчайший, беспримерный

И в будущем, конечно, чемпион!..»

И на душе у Таля было скверно,

Потупив голову, он вышел вон.

Но, видно, понял врач его смущенье,
За другом вслед он выбежал, шенча:
— Пойми, ведь это способ излеченья.
Ложь — только инструмент в руках врача!

Теперь пап машина: обезоружен,
Пусть я солгал... Но рассуди, дружок,
Чтобы сломить самовнушение, нужен
Психологический покаут, шок...

Таль отвечал ему немым кивком
И медленно побрел домой пешком.
Он шел, томимый чувством неотвязным,
Что припал он участие в чем-то грязном,
Что чем-то запятнал свою же честь...
«Ребенка обманул... — стопала совесть. —
И все-таки... — решил он, успокоясь, —
С годами он покажет, кто он есть!»

Поздней, случайно друга повстречав,
Признался Таль, что, верно, был неправ,
Что все придирки к медицине — дики...
— Ну как? — спросил он. — Как там твой
«великий»?

— Лечение помогло, — ответил друг. —
Мы к выписке теперь его готовим
И не нахвалимся его здоровьем:
Почти исчез у малого недуг.

...И как-то раз, в одно из воскресений,
Вновь увидались оба: Таль и «гений».

Был в рижский парк гроссмейстер
приглашен

Вести сеанс игры одновременной.
Сияло небо. День стоял отменный...
Любителей увидел чемпион
И вдруг, смеясь, приятелю сказал:
— А ведь сегодня мне грозит провал!
Придется мне сегодня потрудиться!
Задаст мне жару этот длинполицый,
Вон, видишь, этот — за восьмой доской...
Поверь, он генпален, этот парень!..
— Черноволосый!.. Розовый такой?
А ведь на первый взгляд он —
ординарен,

Ничуть не отличается от всех...
Неужто ждет его такой успех?!

Да, «Паганини» изменился очень.
Спокойный взгляд ничем не озабочен.
Благообразный, славный паренек!..
Пробор в безукоризненном порядке,
Причесанные волосы так гладки!
И все же ошибиться Таль не мог.

«Как видно, парню подлечили нервы.
Он разругмянился... Он полон сил...»
С восьмой доски на доску
помер первый
Гроссмейстер юношу пересади.

Копечпо, эта партия должна
Стать самой важною для сеансера.
«Уж если проиграть — так без позора.
Пусть будет все же честь сохранена...»

Вокруг доски, что интересна Талю,
Болезьщнки густой толпою встали...
Внимашнем польщеный, паренек
Задумался... Застенчиво извлек
В кармане пребывавший до поры
Учебник старый шахматной игры,
Раскрыл его... и сделал ход
песмелый,
Так, как ему теория велела.

Всех игроков (их было тридцать пять)
Таль обошел, должпо быть, за минуту,
Чтоб возле парня долше постоять...
Взглянул и улыбнулся почему-то...

В единый миг оценивая ход,
Который сделал «Паганини» прежний,

Копя подвинул он рукой небрежной
И, не помедлив, двинулся вперед.

Конь перед юношей стоял, дразня.
И просиял игрок, и взял копя.
«Гроссмейстер, видно, допустил ошибку,
Поторопился... Так играть нельзя...»

Вернулся Таль и, подавив улыбку,
Коню в придачу отдал и ферзя
И вдруг закончил партию красиво,
Мат объявив, болельщикам на диво.

А про себя он вспоминал врача
И юношу, каким тот был когда-то.
«Что ж, доктор, ты добился результата,
От гениальности его леча!
Оздоровил большого страшный шок,
В лице его опять играют краски...
Но ведь теперь он мыслит по подсказке,
От буквы не уйдет ни на вершок.
Мечтою больше не умчится вдаль...»
«Недуг исчез...» — Таль вспомнил

фразу друга...

«А если... — вслед за тем подумал Таль, —
Что, если гениальность — род недуга?!»

«Нет, гениальность — не болезнь ума!
Впитавший знания многих поколений,
Тот ум, что породила жизнь сама, —
Людские души освещает гений.
Источник счастья — истинный талант.
Он редкостен, как черный бриллиант.

Рождение гения — всегда событие...
Так будьте бережны, врачи! Лечите
Недуг, по так, чтоб не гасить порыв,
Щадя огонь таланта драгоценный!..» —
Так рассуждал гроссмейстер, победив
Любителей в игре одновременной.

...А юноша, довольный, шел домой.
Пускай его сегодня обыграли...
Но обыграл сам Таль! Не кто иной!
Кто он — любитель скромный — против
Талья?!

К тому же он игры изведал пыл,
Не потеряв при этом хладнокровья...
И юноша врача благодарил
За возвращенное ему здоровье.

Но вдруг в его сознание, в глубине,
Мелькнуло что-то... Кабинет, растенья...
И Таль — чуть-чуть другой,
как бы во сне...

Воспомипапья это иль впедепья?
Болезнепный, пейсцеленный бред?
Но где оно — то щедрое пачало,
Что заполпяло душу, окрыляло?!
Восторг и боль... Восторга больше нет!

Как звался он — могучих сил приток!
Он страшен был, но праздничен
и ярок —

Невозвратимый, сказочный подарок,
Огонь, который поднимал и жег...
Иль потерял он это где-нибудь?!
И вздрогнул юноша...

Тоска простерла
Кривые погги... И вцепилась в грудь,
И постепенно подступала к горлу...

По благодатной зелени аллеи,
Где шутки слышались п юный смех,
Шел юноша, шагая все быстрее,
Спеша укрыться от себя, от всех,
От черной боли, от тоски тупой,
От чувства обделенности, обиды...

Вот он смешался вдалеке с толпой
И навсегда теперь исчез из виду.

ЦВЕТОК, ОДОЛЕВШИЙ БУРЮ

1

Слышал я, что в стародавние годы
В некой стране, где небесные своды,
Словно гигантский лазурный шатер,
Вольный, степной увенчали простор,
Там-то, с двенадцатью братьями вместе,
В сладкоцветущем и радостном месте
Мирно росла, как цветочек — сама,
Девушка, имя которой — Альма.

С милою жизнью прощаясь в печали,
Мать и отец сыновьям завещали:
Холить сестренку Альму и блюсти
И жениха ей из лучших найти.

Пу, а пока ям, двенадцати, пужпо
Жить всей семьей нераздельно и дружно
И сообща, не жалея труда,
Множить свое достоянье — стада,
Память родителей тем почитая,
Приобретая почтенье в крае.

Младшие, слушая старшего брата,
Волю покойных исполнили свято.
Братьев Альмы¹ одобрял весь народ:
«Сами добры, и сестренка цветет,
Станет и вириямь она яблочком алым,
Да и с приданым к тому же немалым.
Есть, мол, у братьев,— шептались вокруг,—
Медью окованный древний супдук,
В нем — драгоценное предков наследье...»
— Что там? — случается, спросят соседи.—
Золото, может? Кишжал?.. Самоцвет?..—
Старший, Бадма, усмехнется в ответ.

Был он, Бадма, справедлив и отважен,
И, как у нас говорится, — «на сажень»
Ставили братья над всеми Бадму,
Превосходящего их по уму.

---

¹ Имя «Альма» в переводе значит — «яблоко».

Он же «па сажень» меньших своих тоже
Ставил за то, что они помоложе.

Горя не зная, что выжгло бы очи,
Сил не теряя с утра и до ночи,
С ясным рассудком и чистой душой,
Старший, и среднее все, и меньшей
Ждали с надеждою день светозарный
И провожали его благодарно.

Встают, бывало, с зарей розоватой
И до пылающей яри заката,
Не утомляясь, друг с другом в черед
Зорко пасут многочисленный скот
В благоуханном степном разнотравье,
В полдень усталое стадо направя
К звонкожурчащей струе родника,
Всех призывающей издалека.
Там отдыхают, бывало, от зноя,
Лоб освежают струей ледяною.

Женской работой не брезгают братцы.
Те, что в кибитке должны оставаться,
Варят обед, прибирают в дому,
Нячат с любовью сестренку Альму
И на руках ее посят, заране
Предупреждая любое желанье.

Только лишь месяц светец свой зажег,
Братья, бывало, сберутся в кружок
И обсуждают спокойно и мудро,
Что надлежит им проделать наутро,
И все двенадцать, по воле Бадмы,
Соединяют свои все умы,
Не обижая и младшего брата,
В разум один — многогранный, богатый...

Так они жили, в гордыню не впад,
Так сохранили приветливый нрав,
Миром довольны, друг с другом согласны,
Зависти — злобой змее — не подвластны,
Славя сегодня за то, что прекрасно
Даже тогда, когда небо ненастно,
И в ожиданье грядущего дня,
В сердце горячем желанья храня,
Ибо, как только желанья заглохнут,
Корни веселья и счастья иссохнут.

Двигается дней и почей оборот,
Близкое вдаль неизменно плывет,
Дальнее вблизи неизбежно придвинув...
Только пагнешься и выпрямишь спину —
Время, что было еще впереди,
Тенью скользнув по лицу, по груди,
Легкой морщинкой оставив замету,

Волосы чуть изменивши по цвету,
Припорошив их слегка сединой,—
Время уже у тебя за спиной!..

Вот и с Бадмой приключилось то же:
Да не вчера ли среди молодежи
Был он как равный?.. Но мчатся года...
Глядь! — голова серебристо-седа!..

Впрочем, Бадма от того — не в убытке:
Он ведь отца заменяет в кибитке.
Младшие братья — что дети его,
Радует младших его старшинство,
И выполняют они порученья
Не из боязни, а лишь из почтения.

2

Тают снега и уносят с собою
Годы, бегущие без перебора,
И колесо свое в полный разгон
Крутит прилежная прялка времеч.
Не отдохнет и мгновения даже
И оставляет звещающую пряжу:
Не оборвать ее, не изменить —
Жизни земной непрерывную нить!

Вешними, радостно-свежими днями
В зелени, словно в лучащейся раме,
Будто ягнепок, бывало, с утра
Добрых двенадцати братьев сестра
Не уставала играть и резвиться:
Малым ребенком была озорница.
Годы бегут по пути своему...
Как-то, взглянув на сестренку Альму,
Охнули братья: где птенчик их малый?!
Тополем стройным лозинка предстала!
Вот чудеса-то!.. Альма средь подруг
Самой прекрасною сделалась вдруг.

Слухи о пей попеслись по хотонам —
И по ближайшим, и по отдаленным,—
И, не пугаясь опасных дорог,
Наипустейший придумав предлог —
Будто у всех у них время в избытке! —
Гости к двенадцати братьям в кибитки
Скачут, идут... Не проходит и дня,
Чтоб не сидело чужих у огня.

Роем жужжат длиннокрылые слухи.
К братьям спешат старики и старухи,
Из сердецедов, из тех, кто на взгляд
Свойства характера определяют.
Как, мол, цевеста?.. Скромна плъ спесива?

Столь же разумна, пасколько краспва?
Всё опи высмотрят взглядом одним...
Всё?.. Или, может, так чудится им?

Речь о неважных делах, не иначе,
Скромно ведут опи, важное пряча.
Хитрость их только Альме не видна,—
Белыми пятками шита она.
Братья внимают беседе певипшой
Так, как велит им обычай старинный,
Будто уловок не видят совсем.
Гостя учтиво проводят затем,
Словно прпезд его ставят в заслугу.
Гость уезжает... Взглянув друг на друга
И убедаясь, что чужих не видать,
Прыснут и вместе пойдут хохотать.

Только красотке Альме певдомек
То, что она, как почной огопек,
Бабочек вокруг собирающий летом,
Всех прпвлекает мерцающим светом.
Мудрые братья молчат до поры
И не смущают покоя сестры.
Дома Альме-баловнице не худо.
Незачем ей волноваться покуда.
Нежное сердце встревожить легко,
А до решенья еще далеко.

Близким далекое стало, однако:
Кто из улуса, а кто из аймака,
Кто из хотона далеких сторон
Скачет к двенадцати братьям в хотоп,
Цели приезда теперь не скрывая.
Скачут, везут из псближнего края
Братьям разумным прекрасной сестры
Низкий поклон, дороге дары —
Жирных баранов, сосуд с аракою, —
Хвастая щедрой своею рукою.
Скачут и просят у братьев ответ
Самые славные в крае мужчины:
Мол, отдадите сестру или нет?
Ежели нет, укажите причины.

Но не теряются умные братья.

Молвит Бадма:

— Был бы рад вам отдать я
Нашу сестру, по Альма — молода.
Птснчик ещс... Без родного гнезда,
Даже и в самом богатом жилище,
Будет она обездоленной, пищей.
Наша семья благодарна за честь,
Но принимайте всю правду, как есть.
Жить без родных, в стороне чужедадьпей
Было бы девочке слишком печально.

Может завянуть столь юный цветок.
Рано еще... Не пришел ее срок.

«Рано»... Но как ни отталкивай «рано»,
Все оно движется к нам постоянно.
Как ни проси — наплывает, растет,
Не принимая молелья в расчет.
Над горизонтом плывет все свободней,
Чтоб наконец превратиться в Сегодня.
Глядь, и сегодняшней день отошел,
Как ты его ни держи за подол,—
Уж не сегодняшней он, а вчерашний...
Этот закон — неизбежный, всегдашний,
Нам неподвластный во веки веков,—
Видно, по воле природы таков.

Осуществляя извечное право,
Он удлиняет деревья и травы,
И направляет, и движет в свой срок.
Жизни сладчайший, горчайший поток,
Судит и правит явлениями всеми.
Видно, всему на земле — свое время:
Время родиться и время цвести,
Время смириться и время уйти.
Плохо, когда между Рано и Поздно
Лишь пустота разверзается грозно.

Тот, кто свой срок упустил, для того
Горечью вздохов полно естество.
Кто уклонился в свой срок от деянья,
Сделал ничтожным свое достоянье.
То, что в свой срок не свершил человек,
То улетучивается навек.

Братья Альмы — и кротки и мудры —
Знают, что медлить умно до поры,
Время уходит, и падо ж когда-то
Выбрать меж многих почтенного свата
И, расспросив у людей пожилых,
Впрямь ли достоин невесты жених,
Верно ль, что это жених — наилучший,
Знаком судьбы посчитать этот случай
И осчастливить сестрицу свою,
Доброго мужа ей дав и семью.

3

«Правдой неправду представивший грубо
Может на каше сломать себе зубы.
Если ж кто правдою правду зовет,
Камень и тот согласится — кивнет».
Были решенья братьев правдивы,
Были расчеты — разумны на диво,

Было бы счастье Альмы велико,
Да поселилось оно далеко.

Если, не днюя в путь, не почуя,
Гнать что есть мочи трехлетку лихую,
Не различая ни света, ни тьмы,
Через просторы, озера, холмы,
Ежели множество верст перемерить,
Дней проскакать семью семь—сорок девять.
Путь завершится в хотопе степном,
Где проживает известный умом,
Силой негнущейся, стойкой отвагой
Он — воевавший калмыкам на благо,
Он — богатырь знаменитейший паш,
Гордость народа — могучий Араш.

Он-то, Араш, всех врагов сокрушивший,
Он, поднимающий выше и выше
Свой семикратно прославленный род,
Братьям дары и приветствие шлет
И от себя и от старшего сына.
Слив пожелания с ним воедино,
Хочет могучий сосватать ему
Яблоко счастья — красотку Альму,
Слух о которой пронесся по свету.

Прибыли сваты. И просят ответа.

Свааты, пспыташыны в краспоречье,
 Видно, скакали не зря издалече.
 Братьям слова их по вкусу пришлись.
 Тут же, за трапезой, все поклялись
 Клятвой великою, клятвой священной:
 Верность друг другу хранить неизменно,
 Зло сокрушать, помогая добру...
 Если, взрывая земную кору,
 С гневом стихия поднимется злая,
 Если, родным краям угрожая,
 Хлынет на степь проземная рать, —
 Будут они друг за друга стоять.

Ну, а покуда, на радость невесте,
 Братья и сваты пируют все вместе,
 Мир на «твое» и «мое» не деля,
 Музыкой, песнями слух веселя.

Вторя звучанию нежной ятки,
 Девушки песни старинной стихи,
 Стоя рядами, ласкающе пели,
 Нежили душу их стройные трели.
 Чуть замолкала их звонкая стая,
 Тотчас, плечами трясая, громыхая,
 Так что качалась, дрожала земля,

Вихрями вея, орлами орля,
Ноги сгибая под крики «хадрис!»,
Парни вокруг девушек в пляске неслись.

Всё отдаляя минуту прощапья,
Праздник, казалось, не знал окопчания.
Но не пора ли, однако, отвезть
Тем, кто заждался, хорошую весть?..

Братья довольны: их выбор удачен.
День солнцблещущей свадьбы пазначен,
Сваты о том говорили с Бадмой...
Но перед тем, как поехать домой,
Шаг свой замедлил старейший из сватов.
Что-то, как видно, за пазухой спрятав,
Он осторожной рукою пзвлек
Шелковый, чүдного впда платок
И развернул его...

В ту же минуту
Стало намного светлее, как будто,
С неба скатившись, блеснула звезда,
И разлилось по кибитке тогда,
Тихо струясь, голубое сиянье.
Люди стояли в смущенье, в молчанье.
Лишь у иных пронеслось в голове:
«Фокусы это, наверно, — «Илве»...»

Братья с Бадмою, невеста, подруги
Долго смотрели в восторге, в испуге,
Молча и словно на месте застыв,
Как многоцветных лучей перелив —
То золотистый, то голубоватый —
Плыл из ладони у старшего свата,
Как пробивался сквозь тонкий платок...
Что там такое?.. Алмаз? Огонек?..
И почему он так празднично ярок?..

— Это Альме от Араша подарок:
Дивный портрет его сына — Бембе.
Не о простой говорит он судьбе...—
Сват между тем пояснял горделиво.—
Лпк жениха словно солнце красивый.
Нет благородней Бембе меж людьми!
Вместе с платочком, невеста, прими!

Сват поклонился почтительно братьям,
Все же портрета не стал отдавать им.
В руки Альмы он вложил этот дар —
Сверток чудесный, горевший как жар.
Дар принямая, невеста смутилась,
Нежным, горячим румянцем покрылась.
Яблочка спелого стала красней...
Девушки стайкою бросились к ней,
От любопытства дрожа и сгорая:

— Ой, покажи, покажи, дорогая,
Вправду ль хорош он, жених твой Бембе?!
Славный платочек прислал он тебе!

— Спорить не будешь: подарок отменный! —
Вторили старые люди степенно.
Не промолчал ни один человек...
Сват седовласый волпецье пресек,
Слово свое продолжать он намерен:
— Дело не в том, что портрет этот верен,
Что, неспособный на ложь и обман,
Юный Бембе здесь как белый тюльпан,—
Он и хорош, и похож чрезвычайпо...
Скрыта в портрете великая тайна:
В черточке каждой, прозрачна, тиха,
Дышит живая душа жепиха,
Соединенная нитью незримой
С пею, Альмою, с певестой любимой.

Если все так же средь милой родни
Будут ей посланы ясные дни,
Дому — покой, а родным — долголетье,—
Свет не померкнет на этом портрете.

Если же горе сюда пригрядет,
Черной клюкой постучит у ворот,
Вестники зла прилетят к изголовью,—

Очи портрета паполнятся кровью,
Разом померкнет спяющий свет...
Глянь-ка, невеста, каков он — портрет!

Сват обратился к Альме ясноглазой.
О, как хотелось послушаться сразу,
Глянуть скорее — хорош ли жених?..
Все ж дозволенья у братьев своих
Девушка взглядом спросила...

Прекрасно!

Те головами кивнули согласно:
Дескать, взгляни, если хочешь, сама...
Тут же платок развернула Альма.

Радуга вдруг поплыла, засверкала,
Всех ослепила... Но мало-помалу
Глаз к нестерпимому блеску привык.
Смотрит Альма на пленительный лик,
И теплота в ее сердце струится,
Смотрит шалунья Альма, баловница,
Девочка, та, для которой вчера
Жизнь была только забава, игра.
Странно ей... Дома она или не дома?
Все ей предстало теперь по-другому:
Близкое — чуждым, чужое — родным.
Самое время стало иным.

Братья, подруги, все люди хотопа
Тоже глядят на портрет изумленно:
Что там за чудо в девичьей руке?..
И наконец восклицают:

— Дярке!

Лик этот милый, немного печальный,
Видно, воссоздал творец гешпальный.
Он, изучивший души глубину,
Правду сокрытую, правду одну,
В образе каждом искал терпелшво,
Ложь отстраняя рукою брезгливой,
Даже когда и парядпа опа.
Вот потому-то проник он до дна
Юноше в душу. И кистью великой
Суть воплотил нежно-смуглого лика,
Всплывшего, словно бы солнце в ночи.
Кистью своей передал он лучи
Глаз, что сияли святой добротой.
Вот потому-то Бембе как живой
Был на портрете. Казалось, что слово
С губ его теплых сорваться готово.

Видели все, что не красок игра,
Нет — воплощенье любви и добра
Чудом предстало на этом портрете...

«Есть же подобная прелесть на свете,—
Думали люди.— Хотя б вдалеке!
Жизнь-то и впрямь хороша... О дярке!»

Все зашумели. Бадма между тем
В тень отошел, озабочен и нем.
С тайными страхами воля боролась.
«Время!» — приказывал внутренний голос.
Страхи шептали: «А может, и нет?
Может, не время исполнить завет
И передать дорогое паследье?»

Все же Бадма, не мешая беседе,
Отпер окованный медью сундук,
Взяв осторожным движением рук
Нечто прикрытое стертою кожей...
Что это? Золото?.. Нет, не похоже!
Лалам присуще иначе блестеть...
Это — вптая, тяжелая плеть.
Значит, об этом молва толковала?..
Плеть... Рукоять у нее из сапдала.
Страшно мерцают на пей ппсьмена.
Даже и в сумерках ясно видна
Росписи мелкозорная вязь...

К свату Бадма подошел, поклонясь.
— Вот он, подарок Бембе дорогому,

И от Альмы, и от нашего дома.
Нашим наследьем он будет владеть.
Это не просто красивая плеть.
Наша родня ей не зря дорожила:
В плети сокрыта великая сила.
Злых устрашала во все времена
Эти сияющие письма.

Верю, что сын благородный Араша,
Тот, что всех смертных милее и краше,
Вправду достоин принять этот дар...
Если надвигнутся мор и пожар
Иль панесут ему тяжкие рапы
Чернокосматые слуги обмана,
Плеть распяная в могучих руках
Зло укротит, обратит его в прах.

Слушайте далее: плети известно,
Что происходит в хотопе невесты.
Все передаст жемуху эта плеть.
Если по-прежнему будет блеснуть
Масло на крепкой ее рукояти,—
Значит, здоровы невеста и братья,
Нашему краю дано процветать.
Если же вдруг, обагрив рукоять,
Выступят алые капельки крови,

Плеть призовет: «Будь, Бембе, наготове!
В доме невесты случилась беда.
Эй, па коня!.. Отправляйся туда!»

Приняли сваты подарок с поклоном.
С братьями стали прощаться, с хотоном,
Всех за радушие благодаря.
Утром, едва разгорелась заря,
В путь они двинулись, в дальние дали.
Братья своих скакунов оседлали
И, провожая гостей далеко,
Вслед пожелали: «Да будет легко
Мчаться дорогой беспыльной, белой!..»
По возвращенью возникшее дело
Вновь обсудили.

И с этого дня
К свадьбе готовиться стала родня.

5

Дальше? Что дальше случилось со всеми?..
Дальше как будто раздвоили время.

Время одно — все бежит, как пазло.
Только что, кажется, солнце взошло,

Только что взялся за важное дело,
Только что начал, а солнышко село.

Время второе — бессильно ползет.
Солнце ленивое на небосвод
Еле взберется и медлит в зените.
Поторопьте его!.. Подтолкните!
В небе стоит неподвижно оно,
Будто приклеено, пригвождено.

Люди, что шьют или вяжут для свадьбы,
В страхе торопятся: не опоздать бы!
Все ли успели скротать и соткать?
Кажется, все... Но, проверив опять,
Видят: забыта нужнейшая малость.
Только исправят — неделя промчалась,
А за неделей и месяц пропал...
Время для них словно копь — арапзал.

А для других, пет, верней — для невесты
Время не движется, солнце — ни с места.
Тянется ночь: петухи не поют...
Время Альмы — колчепогий верблюд.

Встанет невеста, мгновенья не чая:
«Скоро ли братья покушают чая?» —
И, торопливо посуду помыв,

Выбежит в степь, в ароматный разлив
Сладостных трав, горьковатой полыни.

Радость прихлынет... Портрет она вынет:
— Здравствуй, мой друг долгожданный!..—

В ответ

Ей улыбнется глазами портрет,
Вымолвит, губ своих не раздвигая:
— Как тебе нынче спалось, дорогая?
Что ты увидела нынче во сне? —
Здесь-то, в привольной степной тишине,
Вдосталь душа потолкует с душою.
Время начнется — другое, большое,
Время, в котором мгновецье одно
Тайной глубокого смысла полно.

Ветер доносит желанные вести.
Хочется плакать, смеяться невесте.
Чувством палита душа до краев.
И у Альмы не находится слов —
Так это чувство для девушки важно...

Все это выльется в песне протяжной,
Той, что от бабки слыхала она,
Той, что певали во все времена
Утром веселым в калмыцком кочевье
Девушки, птицы, цветы и деревья.

Но время все-таки идет
И для нее, Альмы.
Давно растаял сизый лед,
В помине нет зимы.

И девушка что деревцо,
Омытое дождем:
Ее румяное лицо
Прелестней с каждым днем.

Минуло ей шестнадцать лет.
Милы ее черты.
Сквозь них сияет чистый свет
Душевной доброты.

Он пзлпвается, лучась
Из полудетских глаз,
Напомпная всякий раз:
Свет жпзпн не погас!

И тот, кто сдался, кто устал,
Кто счастья не нашел,
В ком цвет весны давно увял
От мелких бед п зол,

Заметит вдруг, что гнет забот
Слетел с него долой...
Не сразу, верно, он поймет,
Что встретился с Альмой.

Но, освежен живой водой
Ее цветущих лет,
Ее любовью молодой
И радостью согрет,

Начнет он снова ощущать,
Что сладок жизни сок,
Что раскрывается опять
Души его цветок.

* * *

— Весна! — воскликнул дикий гусь.—
Вставайте! Рассвело!..—
Но почему такая грусть?
Что на сердце легло?..

Никто не вразумил Альму,
Что счастья вешний цвет
Терзает завистью шулму —
Носительницу бед.

И та спешит изобрести
Обходные пути,
Чтоб стала жизнь трудней, лютей...
Что в жизни у людей

И боль и радость сплетены
В один тугой клубок...
Невесте в дни ее весны
Покуда псевдомек,

Что тяготит ее, Альму?
Быть может, соп дурной?
...Альма откинула кошму,
Спешит в простор степной.

Над степью — праздничный восход.
Рассеялся туман.
Портрет невеста достает,
Взбегает на курган

И снова — торопливо вниз:
Покою нет нигде!
Как буря, мысли пронеслись:
«Сегодня быть беде».

Но даль чиста, по даль светла...
Твердит себе Альма:
«Все хорошо. И я сошла,
Скорей всего, с ума.

Когда накликаешь беду,
То явится беда...
Уж лучше к озеру пойду.
Там весело всегда».

. . . . .

Стоит Альма над зыбью вод
И смотрит, чуть дыша,
Как важно уточка плывет,
Скользит средь камыша,

Среди озерной красоты,
Меж бликов и тепей,
И, словно желтые цветы,—
Утята вслед за ней.

Как будто бусинки борок
По глади тащит мать,
А по пути дает урок,
Как лищу добывать.

Нырнула, шейку изогнув:
«Учитесь, детвора!»
И вот победно поднят клюв,
В нем — слиток серебра.

Сам селезень певдалеке,
Зеленовато-сиз.

Он на утином языке
Зовёт семейство вниз,

Туда, где будет славный лов,
Указывает путь...
«И мы с Бембе своих сынов
Взрастим, когда-нибудь...» —

Альме подумалось... Вдали,
Над золотом струи,
Там шеи гибкие свои
Два лебедя сплели.

Стоят, застигнуты весной,
Сверкают белизпой...
«Вот так когда-нибудь к тебе
И я прильну, Бембе!»

Невеста вздрогнула, смутясь:
«Ох, выдала секрет!...»
Глядит — вокруг прохлада, ясь...
«Никто не слышал, пет?»

Из камыша допесся плеск,
Взлетел, блестя, фонтан.
Там, рассыпая звездный блеск,
Пошел плясать сазан.

Горит на солнце каждый сгиб
Чешуйчатой спинны,
И пляшут стаи крупных рыб
Свой таец в честь весны.

Рыбешек малых вверх взмело.
Ну, пляс!.. Ну, кутерьма!..
Туда, где воды как стекло,
Шагает вброд Альма.

Вода — блестяща и мягка —
Лепечет ей: «Взгляни!..»
Альма пад гладю озерка
Склопилась... «Маапп!»

Преместнейшее существо
Ей улыбнулось вдруг.
— А я ведь, право, пичего! —
Альма сказала вслух.

«Что ж, ты должна ее беречь,
Красу, что всем мпла»,—
Вода шепнула. Эту речь
Невеста попяла.

«Любовь дарует доброту,
А значит — красоту»,—
Альма расслышала опять
И вновь смогла понять.

Язык воды, травы, зверья
Стал пыще как родной...
«Быть может, поумнела я?
Не знаю, что со мной...»

Ну, кто способен разъяснить
Взволнованной Альме,
Что здесь причина, может быть,
Не в знаенье, не в уме?!

Любовь ей отворила слух,
Любовь ей окрылила дух,
Ведь тот, кто любит и любим,—
В родстве со всем живым.

Альма все дальше вглубь идет
По ласковому дну
Озерных, серебряных вод...
«Нырну!.. Сейчас нырну!..»

Дарит ей озеро покой,
Омыт сомненья грех...
И девушка, взмахнув рукой,
Кричит: — Люблю вас всех!

Блести, вода, во всей красе!
Ты, уточка, плыви!
Липните все, живите все
В довольстве и любви!

Уточка с пушистой вереницей
В страхе ищет: где семейству скрыться?..

Что в озерной тишине «стряслось»?..

Может, в небе молнии блеснули?
Не слышать ни грома, ни дождя.
Только облако летит, как пуля,
Полосу в лазури проводи.

Облако не извергает пламя...
Почему же, где оно прошло,
Птицы с опаленными крыльями
Падают на землю тяжело?..
Небо!.. Кто глумится там, над нами?
Зло пришло... Откуда это зло?

Кажется, ни ветра, ни беды...
Но вещает сердце о плохом.
Может, где-то вдалеке — несчастье?..
Может, что дурное с жеманом?
«Милый мой, мой сокол яспокий,
Что могло с тобой произойти?»
Кто-то сердце сжал рукой жестокой —
Не людской, когтистой, в шерсти...

«Духи ада!.. Пропеснитесь мимо!
Все равно вам счастья не отдам!»

Достает Альма портрет любимый...
Подпесла к заплакавшим глазам...

Блещет лоб его, как прежде, чпстый...
Нет, педугом он не омрачен!
И, как прежде, взор Бембе лучпстый
На Альму с любовью обращен.

Он все тот же — добрый, озаренный...
Слава пему!..

Но — о чудеса! —

Через степь со стороны хотона
До Альмы домчался голоса,
Чьп-то зовы... А верпес, стопы...

Слабенько звучат они и глухо
И почти неслышимо для уха,
Но для сердца — грозно, как грома.
Различает девушка с испугом:
Все двенадцать братьев, друг за другом,
Призывают жалобно:

— Альма!..

В голосах любимых столько муки!..
Узнает она, ломая рукп:
«Это старший... Это — младший мой!»
Пошатнулась, подкосилась поги.

Но вскочила тотчас... Без дороги,
Задыхаясь, бросилась домой.

Сквозь кустарник, раздирая ветви,
Мчится. Пробегает через дол.
Ветра нет, но, как при буйном ветре,
Развеивается ее подол.
А тоска в груди — все неизбывней,
Словно когти в сердце вонзены.
Ливня нет. Но, как при буйном ливне,
Щеки у Альмы влажным-влажны.

Путь привычный мнится бесконечным...
Встречные кричат с тревогой вслед:
— Эй, Альма!.. Куда бежишь чем свет?..—
Но Альма не отвечает встречным...

Не сказав ни слова, дальше мчится,
Как недавно прочь летели птицы,
Словно разогнала их шулма...
Добежала... В ужасе великом
Ворвалась в кибитку.

С диким криком
Без сознания падает Альма.

...Вот они лежат — рядом, в бессилье —
Все двенадцать, что ее растили.

Словно здесь, на земляном настиле,
Отдыхают от больших работ.

Отдыхают?.. Нет, лежат так странно:
Неподвижно, слепо, бездыханно...
В уголке у губ — темно и рвано,
Медленною змейкой кровь течет...

Люди услышали крик дурной
И к кибитке — со всего хотопана...
Замерли у входа потрясенно.
Онемели. Пятятся спиной.

«Мор, чума...» — решили втихомолку.
Как сайгаки, встретившие волка,
В рассыпную бросилась домой.

Разобрали пискоро кибитки,
Увязали кое-как пожитки...
Весь хотоп готовится в отъезд.
Так корова, кровь сестер почуя,
В сторону кидается любую —
Лишь бы дальше от проклятых мест!

Как пожар степной, возникший рядом,
По траве ползет — с шепельем, чадом,

Слово «мор» бежит из уст в уста.
И еще не закатилось солнце,
Как в дорогу собрался хотоццы,
Подались на новые места.

Про себя бормочут божье имя
И бичами толстым, впитым
Гонят вскачь верблюда пль быка,
Так пахлестывая им бока,
Будто злополучная скотина —
Всех несчастий их первопричина.

«Кто пакликал бедствие? Кому
Выпал жребий прогнать шуму?..
Может, кто-то наступил на масло —
И благополучие угасло?
Иль шагнул он через молоко?
Это тоже сходит пелегко!..
На хотоц папали злые духи
И послали смертопосный мор...» —
Рассуждают меж собой старухи.
А мужья, зятя во весь опор
Гонят скот за старые пределы.
Жаль, в хотоце — бедная Альма!..
Но когда тебе грозит чума,
То «своя рубашка ближе к телу».

* * *

Бедная Альма глаза открыла...
Братья рядом — неподвижны, стылы.
Слезы жарко брызнули из глаз,
Снова ослепив ее тотчас...

Тело словно придавили тяжко,
Корчится в бессилии бедняжка.
Мир вокруг — безлюден, глух и нем...
Надо встать. И надо жить... Зачем?

Все же поднялась мало-помалу
И над братьями запричитала:

— Вы, что на руках меня держали,
Хотели меня и ублажали,
Согревали теплотой дыхания,
Выполняли все мои желанья,
Отгоняли прочь беду-злосчастье,
От эрликов бережно хранили.
Где вы, дорогие?.. В полной силе
Умерли. Погасли.

Очи ваши, что могли воочью
Разглядеть опасность днем и ночью:
Мол, при вас сестренку не обидят!..—

Где они, спяющие очи,
Что глядели с нежной лаской отчей?...
Умерли. Не видят.

Уши ваши, что малейший шорох
Различить могли в степных просторах,
Чуяли, как ночью травы дышат,
Те, кого боялся тайный враг,
Те, кому был детский смех мой дорог,—
Умерли. Не слышат.

Братья, где вы?.. Где ваш быстрый разум?
Все двенадцать вы умолкли разом.
Что сгубило вас?.. Чума?.. Напасть ли?
Что вы сделали со мной, сестрою?!
Бросили на свете спротою!
Умерли. Угасли.

Ваших слов я не услышу боле.
Однокожая былинка в поле,
Я к земле припипу поневоле
В день печальный.

Вы, что были мне всего дороже,
Цепенеете на смертном ложе.
Братья, братья!.. Вслед за вами тоже
Я погасну...

* * *

Сколь ни тяжек плод — сгибаясь долу,
Стебель выдержит.
Сколь бы горе ни было тяжелым,
Сердце выдюжит.

Снова сердце у Альмы забилось,
Голова темного прояснилась,
Стала боль прозрачна и тиха.
И, подобно солнцу из-за тучи,
Из глубин ее печали жгучей
Выплыл милый образ жениха.

Тихий голос, полный состраданья,
К ней донесся через расстоянья,
Через реки, горы и моря,
И Альма внезапно услышала
Чутким слухом, всей душой усталой:
«Я с тобою, бедная моя!
Я с тобою неизменно буду!»

Как оно свершилось, это чудо?
По чьему велению, чьей мольбе?
Нежность пробудилась вновь и жалость.
И Альма вскочила, не сдержалась,
Закричала горестно: — Бембе! —

Клич помчался к северу и югу.
Полетел в засблачные дали.
Этот зов, слегка хлопая друг к другу,
И цветы и травы повторяли.
Ветер эхо горестного клича
В норы перенес и в гнезда птичьи,
И заплакали зверьки и птицы,
Сожалея об Альме-сестрице.

А тем временем Альма дивилась:
Где же люди, где подружек стая,
С кем она в младенчестве резвилась,
Тайнами делилась, подрастая?
Почему их голосов не слышно?..

Из кибитки спротишка вышла.
Огляделась вокруг, глазам не веря...
Что такое? Иль она ослепла
От беды, от горестной потери?..
Пусто вокруг... Летают хлопья пепла.

Где стоял хотон — теперь просторно,
Холодно и гулко, как в пустыне.
Лишь помет скота, черпея, слышит,
Словно бы щербины оспы черной.

Что такое произошло, что же?!
Может, проскакала спла вражья,

Молодых и старых уничтожа?..
Все — чужое... Лишь луна все та же
Смотрит в безразличии великом
На Альму, блистая круглым ликом...

«Села бы верхом на кобылицу —
Гривы нету, не за что схватиться!
Мух тоски подальше б отогнала —
Нету ни кнута, ни опахала...»
Вымерло на свете все живое...

Тут раздался свист над головою...

* * *

Свист пробился через тучи,
Словно кто Альму позвал.
Видит: мчится копь могучий,
Чернокрылый арапзал.

Свист ввинтился прямо в ухо,
В сердце самое вошел.
На коше сидит старуха,
Развевается подол.

Что есть духа, легче пуха
Приближается старуха.
Лихо спрыгнула с седла
И девицу обняла.

— Что, Альма? Терпеть нет мочи?..

Трудно в горе быть одной!

— Кто вы?..

— Иль признать не хочешь

Тестеньки твоей родной?..

Я тебя малюткой звала! —

И, вздохнув, запричитала

Очень жалостно и глухо

Эта страшная старуха:

— Ой, племянники мои родные!

Вы орлы, богатыри степные!

Вы двенадцать золотых сердец!

Кто паслал на вас лихой конец?

Кто коварной злобою змепою

Выжег очи ваши соколиные?!

Чьими козьями, чьей немилостью

Ваше солнышко закатилось?!

Словно звездочки, отблпстали вы

И оставили тетку старую...

Стопет, воеет в полный голос,

Точно боль невперенос.

Рвет рукам тусклый волос —

Пряди серые волос.

Причитает все быстрее,

И Альма рыдает с шею.

Но теперь не так ей больно...
Истомленная безлюдьем,
Думает она певольпо:
«Все ж па свете не одна я!..»
— Тетя, тетенька родная!
Что мы обе делать будем?

Распрямясь, старуха встала.
Конь крылатый — в поводу:
— Отведу я аранзала
И тотчас к тебе приду.

Оберпулась — нет старухи приткой.
К братьям девушка пошла, в кибитку.

Фитилек лучиной засветила,
Кагапец горит во тьме вполсилы.

Все двенадцать братьев — как живые.
Не страшны их лица восковые.

И сестрице, как бывало, любви
Щеки эти бледные и губы.

Вовсе не испытывая страха,
Оправляет волосы, рубаху

На лежащих братьях то и дело
И вздыхает горестно сестрица.

Села в угол...

Скоро возвратится
Тетушка, что с пёба к ней слетела.

И старуха шаткими шагами
Вскороги ступила на порог.
Почему-то замигало пламя,
Зачадил, забился фитилек.
И — Альма зажмурила ресницы! —
Вдруг ей показалось из угла,
Что у всех лежащих братьев
лица
Словно судорога повела.

А старуха, горбясь чуть не вдвое,
Вроде бы сложилась пополам.
Встала у Бадмы над головою,
Что-то поднесла к его губам.
Кажется, кюрде — священный свиток...
Словно тень она — среди убитых.
Опустила длинный нос воропий,
На головы им кладет ладоши...

Ниже-ниже клонится старуха,
Напрягает сморщенное ухо,
Вся как будто превратилась в слух,

К небу подпяла глаза...

И вдруг

Испустила нечто вроде стопа —
Хрипло, точно каркнула воропа:

— Эй, Альма! Прислушайся сама:
Жив еще твой старший брат Бадма!

Фптилек внезапно вспыхнул с дрожью,
Разгорелся ярче кагапец...

— И другие братья живы тоже...
Слышишь, слышишь слабый стук сердец?
Бьются пульса тоненькие цити,
Кровь по капле поступает в жилы...

— Тетя, тетя! Что вы говорите?!

— Говорю, что слышишь: братья — живы.
Не сдались в последнем поедшике.
Прочь душа еще не отлетела,
Не покинула навеки тела,
Держится на слабой паутинке.

— Живы братья?! Ох, не верю счастью!—
Взяв Бадму за жилистую руку,
Тетка словно бы впилась в замястье,
Замерла, прислушиваясь к звуку...

— Тетя, неужели вправду чудо?!

И Аляма услышала:

— Покуда
Жив Бадма. И живы остальные.

— Братья!.. Милые мои! Родные!..
Как теперь я вас телеять стану!..

— Стой, голубка! Радоваться рапо.—
Голос у старухи хриплый, жуткий.—
Иль ты не дослышала, девчонка?!
Души их на паутинке толкой
В пустоте, в холодном промежутке,
Между жизнью и жестокой смертью...
Сила их чуть теплится в предсердьи.
Их существование так хрупко...

— Тетя!.. Как же укрепить их души?
Жизнь мою отдам за это тут же!..

Тетка развернула свиток-трубку,
Что была с кюнде по виду схожа.
Видит девушка: на темной коже —
Знаки, словно налитые кровью.
Зыблется слегка их сеть густая...

Тетюшка сидит у изголовья,
Скрючилась, внимательно читая
Буквы, проступившие печетко.

Ждет Альма, что повелит ей тетка
Совершить любимым во спасенье...
Может, в пламя прыгнуть в одночасье?
Кинется Альма без размышленья,
Принимая эту смерть как счастье.
Скажет: «Вынеси все муки ада».
Выпесет Альма и будет рада.
Даже, может быть, почтет за милость,
Только бы у братьев жизнь продлилась,
Только бы не оторвались души,
Что — на паутинке, на отлете!..

Наконец-то рот открыла тетя,
Говорит Альме:
                                  — Смотри и слушай!
Видишь знаки на волшебной коже?..
На тарантулов они похожи.

Девушка глядит на свиток вещей...
В чем он — смысл паучьих этих знаков?
Проступают то слабей, то резче.
Каждый — непонятно-одинаков.

А старуха говорит зловеще:
— То, что братьев чуть не погубило,
Обладает ценомерной силой.

Но племянники мои не слабы,
Попытались волею железной
Удержаться... Хоть над самой бездной,
На тончайшем волоске хотя бы!..

И, однако, плод борьбы могучей
Может уничтожить жалкий случай.
Да, любая из ничтожных тварей —
Паучок ли, муха ли, комарик,
Если только залетит в кибитку,
Может непредвиденно, случайно,
Даже не подозревая тайны,
Оборвать трепещущую нитку.
А созданиям большого роста —
Лошади, корове, хищной птице —
Это совершить и вовсе просто:
Чуть задепут — и душа умчится.

Знаки возвещают: «Истребите
Все, что угрожает тонкой нити,
Все живое, что вокруг кибитки...»
Так написано в чудесном свитке.
«Убивайте рыб, гусей и уток,
Их детенышей разите смело!..
На такое праведное дело
Отпускается двенадцать суток». —
За двенадцать суток мы с тобою
Истребим зверьков степных и пташек,

Мотыльков, жуков... Все, что живое,
Охраняя жизни близких наших.

* * *

«Если вывихнута рука,
Человеку в тягость она.
Если вывихнута душа,
Человеку жизнь не нужна».
Стала жизнь для Альмы тяжка.
Как ходить по земле, греша?..

Белый свет убийцам не мил...
Прилегла на жесткий настил
Возле братьев, полумертва,
Не Альма — подобы Альмы...

— Тетя, тетя! Неужто мы
Неповинные существа
Счастья жизни, света лишим?
Хорошо ль это нам, двоим,
Беззащитных тварей губить,
Повергать их в могильный мрак?..

— Что ж, по-твоему, лучше так:
Пусть они обрывают пить,
Бедных братьев твоих губя,
Тех, что так любили тебя?!

Тетка с места приподнялась,
В хриплом голосе — гнев и страсть.
— До чего ж ты, девка, добра!
Жалко мухи и комара!..
А несчастных братьев ничуть
Не жалеет злая сестра!..
Так прощай же!.. Не обессудь!
Нам с тобою — не по пути!

Рвется старая прочь уйти...
До чего же стала страшна!
Темный лик искажила злость...
«Вправду ль братьев любит она?!» —
Подозрение родилось
В задрожавшем сердце Альмы.

Но в селенье смерти и тьмы
Оставаться жутко одной.

— Тетя!.. Смилюйтесь надо мной!..
С детства слышала я от всех:
Убивать беззащитных — грех!

— Врешь, девчонка!.. Все — чепуха!
Нет совсем на свете греха!

Взяв Альму за обе руки,
Тетка прямо в ее зрачки
Устремля колючий взгляд.

— Повторять за мной пзволь!..—
И Альму пронизала боль,
Словно мозг железом сверлят,
Словно в жилы вливают яд.

Но внезапно это прошло,
Точно вынули вдруг сверло.
Пусто, больше препятствий нет!..
И Альма за старухой вслед,
Целиком ей поднав под власть,
Страшной клятвою поклялась:

— Тот, кто братьям смертью грозит,
Будет этой рукой убит.
Весь его ненавистный род
Меч в моей руке пресечет!
Если даже грозит мне ад —
Нет пути у меня назад!

Повторяет Альма, спеша,
Вслед за теткой эти слова,
Но томится, стопет душа,
Губы двигаются едва.
Утешает одно Альму:
«Грех на совесть свою приму
Только ради братьев моих,
Чтобы смерть не пожрала их...»

У старухи скривился рот,
Словно вмятец ей мысли ход:

— Рассужденья твои пусты.
«Ради братьев...» Да если ты
Из простой причуды своей
Уничтожишь сотни людей
С их потомками заодно,
Кто сказал, что это грешно?!
Грех лишь трусов бросает в дрожь,
А для храбрых путь легкий.
Что — грехи? Если ты умрешь,
То умрут с тобой и грехи.
Лишь глупец боится греха,
Вовсе нет греха — ха-ха-ха!..

И страннейшая из старух
Говорит Альме, хохоча:
— Очерти острем меча
Круг пошпре, огненный круг!
На крылатого сядь коня
И все то, что в черте огня,
Все живое, что встретит взгляд,
Бей двенадцать суток подряд.

Вот тебе мой булатный меч!
Я останусь братьев стеречь!

Из кибитки вышла Альма,
Грех отныне ей — ппочем.
Поднялась по склопу холма,
Размахнулась тяжким мечом...

Спних искр фонтап засверкал.
В небо змеи, шипя, вползли.
Пред Альмою копь — аранзал
Вырос точно из-под земли.

За спиной — два черных крыла.
Брызжет пеною — дик, могуч —
И, дрожа, грызет удила...
Чуть коснулась Альма седла —
Поднялась, взвилась выше туч...

Удивленно глядят луна,
Звезды с ужасом смотрят вслед:
«Неужели это она,
Излучавшая добрый свет?»

За копом — полоса огня,
Грохот, гром, наводящий страх,
Копь летит... Под брюхом коня
Превращаются твари в прах.

Где промчался копь, там — беда...
Ссет смерть жестокий булат.

Страшно зубы Альмы скрипят,
А глаза — из черного льда —
Все живое секут ножом...
Злобой лик Альмы искажен.

Где промчится грозная тень,
Погибает птица и зверь,
Ведь в груди у Альмы теперь
Вместо сердца — мертвый кремь,
Камень проклятых небом скал,
Сгусток черных, жестоких сил...

Мчится по небу Черпокрыл.
Смерть земле несет аранзал.

* * *

А в кибитке тем же часом,
Только прочь Альма ушла,
Скачет, пляшет диким плясом
Черный Мус — прислужник Зла.

В ход пустив лихие чары,
Изменивший облик свой,
Он, под видом тетки старой,
Издевался над Альмой.

А теперь он сбросил платье
И — уродлив и космат —
Вселится там, где братья
Неподвижные лежат.

Кувыркается, хохочет,
Беспокоит братьев сон...
Приподнять Бадму он хочет:
— Хватит спать!.. Вставай, поёюн!..

Треплет спящего за щеки:
— Просыпайся, говорят! —
И, прервав свой сон глубокий,
Шевельнулся старший брат.

Чует чей-то холод лютый,
Видит Муса в полумгле...
— Эй, не знающий приюта,
Бездомовный на земле!..

Не сыскавший в тучах щелку,
Чтобы на небо пролезть!
Что беспушешься без толку?..
Скоро-скоро свистнет плеть!

Мус качнулся, скосбочен,
Чуть зашла о плети речь:

— Но, по, по, Бадма!.. Не очепы!..
Если хочешь жизнь сбсречь!..

Не добил я вас покуда,
Некий замысел храя.
Рассержуь, так будет худо!..
Ой, Бадма, не зли меня!

Видишь, ты лежпшь в беспсплье.
Я ж — гляди! — сплен весьма..
Как порву я сухожилья
На твоих ногах, Бадма!

Все твои сломаю кости,
Кожу с вас, живых, спмму!..
И тогда...—
  Дрожа от злости,
На лежащего Бадму

Мус кидается косматый...—
Поглядим, как ты хороши,
И услышим, что тогда ты
В этих лапах запоешь!

Но Бадма, как был, спокоен:
— Ты силен на краткий срок.
Низкой кривды подлый вопи,
Ты по глупости жесток!

Что ни делай с бедным телом,
Гордый дух — непобедим.
Ложь — ничто пред духом смелым.
Не тебе сражаться с ним!

Ты — от мала до велика
Всем проевший ложью слух,
Подхалим и прощелыга,
Ты не только глуп, ты — глух!

Чем пад связанным глумиться,
Извергая струи лжи,
Выйди в поле, черполицый,
К травам ухо приложи!

В чистом поле на рассвете
Ты услышишь, что к тебе,
Угрожая мощной плетью,
Приближается Бембе.

Скоро ты смиришь свой поров,
Завзжишь, косматый трус!..

— Может, хватит разговоров? —
Вдруг смиренно молвил Мус.—
Прекратим пустую ссору.
Упым ссориться не впору.
У Бембе — неблизкий путь.

Все в пути случиться может —
Грипет выстрел чей-нибудь...
Кто вам всем тогда поможет?

Пусть тебе неведом страх...
Ну, а братья? А сестрица?..
Судьбы их в твоих руках —
Стоит только согласиться...
Братья встанут из могилы,
Стоит только захотеть...
Если храбростью или силой
У Бембе отнимешь плеть,
Тотчас братьев подпиму,
Превращусь в красавца тут же,
Стапу как Бембе, не хуже!
И просватаю Альму.
И все вместе будем мы,—
Провизжал прислужник тьмы,—
Всех сильнее, всех богаче
В этом мире. А иначе...

Начал он, но в тот же миг
Прикусил себе язык,
Не давая волю желчи...

Но Бадма не дрогнул. Молча
Он опять глаза прикрыл,
Не желая тратить сил.

В диком гнве Мус проклятый
Разбудил второго брата,
А за ним и остальных...
Но напрасно возле них
Он кричал, напрасно тонал,
Лапою когтистой об пол,
Всеми пытками грозя...

Храбрецов смутить нельзя
Ни угрозами, ни лестью.
Неразрывна братьев связь.
Берегут, как раньше, вместе
Чувство дружбы, правды, чести,
Самой смерти не боюсь.
...Мус — в смятенье. Близок час —
Час расплаты, час возмездья.

* * *

А меж тем сестрица Альма,
Над землею мчась в высоте,
Все живое в кругу, в черте
Истребляет, словно чума,

Беспощадным став палачом,
Поднимает руку с мечом
В сине-белом блеске зарниц,

И тела обожженных птиц,
Окровавленное зверье
Устилают пути ее.

Бьет и рубит седьмую почь...
Аранзал устал ее несть,
И мечу убивать — певмочь!
— Месть!—Альма восклицает.—Месть!—
Криком взбадривает себя,
Неповишных тварей губя.

На восьмую почь, наконец,
Только звезды вокруг зажглись,
Захрипел ее бегунец:
— Эй, Альма!.. Опускайся вниз!
Дай напьемся, передохнем!

Видишь, там, внизу,— водоем.
Верно, там, внизу, далеко,
Словно зеркало, при луне
Блещет круглое озерко...
Вниз летит Альма на коне:
— Что ж, попей воды, аранзал!
Ты, крылатый, и впрямь устал.

Отпустила пасться коня...
Вид вокруг как будто знаком.

Не над этим ли озерком
В ликованье внешнего дня
Наклопялась она, смеясь?
Не над ним ли в любви клялась
Солпцу, людям, тварям земным?..
Неужели над ним?.. Над ним!

Ныпче трудно узнать его.
Так пустынно оно, мертво.
Комаров и тех не слышать...
Не шелóхнется очерет,
И сазац в воде не плеснет.
Неподвижна темная гладь.
Что там, в глубях, погребено?
Сколько тварей легло на дно?..

Но, однако, вода свежа,
Хоть она и внушает страх...
Входит глубже Альма, в руках
Окровавленный меч держа.

Перепуганная луна
Что-то шепчет ближисей звезде...
Наклонилась Альма к воде
И застыла, потрясена...
Что за чудище там, под ней,—
В синне-черной игре тепей?!

Дева, юноша иль старик?..
Отражает темная гладь
Безобразный камешный лик...
Над морщинами лба — хаос
Точно проволочных волос,
Встала дыбом каждая прядь,
Будто бешепая змея...
Дикой злобой пышут черты...

— Это я?.. Неужели я?..—
Отвечало озеро: — Ты!
— Потеряла ты доброту,
Затоптала ты красоту,
Не сумела ее сберечь,—
Прошуршали ей камыши.
Но невятна природы речь
Для озлобившейся души.

Запеклась па мече кровь.
Отреклась от Альмы любовь.

* * *

Чудо любви!.. Не согретый тобою
Несправедливо обижен судьбою.
Жалко мне, право, таких бедняков!

Словно большой среди тех, кто здоров,
Как между зрячим — слепорожденный,
Тот, кто не видел вовек небосклона,
Бродит безлюбый, мятется во мгле...
К счастью, не много таких на земле!

Бедным владеют лихие стихии.
Люди безлюбые — точно глухие,
Те, кому не привелось услышать
Песни, какую баюкала мать,
Птичьего щбета, свежего гула...
Сердце у них, не раскрывшись, уснуло,
Солица не видит, не чувствует весны...
Высшего счастья они лишены.

Знаете вы, да и я это знаю:
Только любовь к нам слетит, поднимая
Над сустою привычного дня, —
С жизни как будто спадает броня.
Мир предстает озарен, расколдован,
Дышит, пьянит своим обликом новым.

Преображенный, сияет, цветет...
Смотришь: прекрасен вчерашний урод;
Та, что была неказистой, простою,
Ныче тончайшей полна красотой.
То ль изменились понятия твои,

То ли прозрели глаза от любви?
С миром почувал ты связи живые,
Словно бы солнце увидел впервые.

То же с Бембе приключилось когда-то.
Только вернулись почтенные сваты
И привезли долгожданную весть,
Сердце у юности начало цвести.
Слушая сватов живые рассказы,
Видел он образ Альмы ясноглазой
И улыбался... Втройне возросла
Сила его, что была не мала.

Храбрость Арашева старшего сына
Люди педаром равняли со львиной.
В подвигах он состязался с отцом,
Пробуя силу свою неустанно.
Встретясь недавно в пустыне песчаной
С бешено-диким верблюдом-самцом,
Не выносящим руки человеческой,
Смело к врагу устремившись навстречу,
Прыгнул Бембе на него, точно лев,
Между горбов неподвижно воссев.

Плечью витою ударил с оттяжкой
Между ушами верблюжьими. Тяжкий
Звук прогремел по пустыне, как гром,
И, словно глиняная посуда,

Треснула, враз разоидясь пополам,
По черепным раскололась швам,
Пала в пески голова верблюда.

Так доказал свою зрелость пред всеми
Храбрый Бембе, не теряясь в борьбе.
Понял Араш, что приблизилось время,
И потому-то засватал Бембе
Девушку — яблочко райского сада...
...Если бы знал он, какие преграды
Встанут у сына его на пути!..
Счастье не просто на свете пайтп!

День злополучный, тот самый, когда
Грянула в доме невесты беда,
Для жениха начипался светло...
Ныпче Бембе на охоте везло.
Ехал домой он с богатой добычей,
Не торопясь, созерцая величье
Стени широкой, игру облаков,
Думая, сколько до свадьбы деньков,
Долго ли будет с любимой врозь...

Кверху дорога взбиралась... На взгорье
Сердце сдавило внезапное горе...
Думает юпоша: что-то стряслось!
Слышит Бембе: из далеких краев
Ветер доносит пронзительный зов.

Кто-то рыдает, его призывая...
Глянул на плетень... Рукою, как живая,
Потяжелела и, словно огонь,
Вдруг накалясь, обжигает ладонь.
Падильсь священная стала кровавой,
Падают капельки крови на травы...
«Небо!.. Альма призывает меня!» —
К дому отца повернул он коня.

* * *

Мудрый Араш, не колеблясь нимало,
Отдал Бембе своего аранзала.
Огнепо-рыжий лихой бегунец
Грыз удила, селезенкою ёкал...
— Мчись! — приказал аранзалу отец.

Юноша прынул в седло, точно сокол,
И, поклонившись отцу, поскакал...

Попросил Бембе:

— Аранзал!

Ты отцу был верным слугой.
Послужи мне, копь дорогой!
До Альмы, говорил мне сват,
Если даже глаз не смыкать,
Если днем и ночью скакать,

Проведешь в дороге подряд
Семью семь — сорок девять дней...
Мне же падо в семь раз скорей!..
Милосерд будь к моей судьбе!

— Я ль тебя не люблю, Бембе?!
Малышом я тебя катал
На широкой спине своей...
Довезет тебя за семь дней
До невесты твой аранзал!

Пыль клубится из-под копыт...
Кверху взмыл аранзал... Летит...
Ветер свищет в ушах, в груди.
Птицей мчится конь,

позади

Оставляя свою тель.
— Друг! — Бембе заклинает.— Мчись!..
Своему Бембе помоги!

На исходе седьмой день...
Аранзал опустился вниз,
На четыре упал поги.
— Ох! Домчал тебя за семь дней
Солицекрылый твой аранзал.
Воп хотоп невесты твоей...
Мочи нет, до чего устал!

Отдохну, поброжу в степи...
Да и ты, мой Бембе, поспи!

Зааесли небес края.
Спит Бембе, дыша тяжело.
В головах у него седло...
Вдруг, как будто скользя, змея
До него доползла ползком,
Губы обдало холодком,
Холодком по векам прошло...
Все же спящий глаз не открыл,
А ипаче бы увидал:
Рост землю конь-черпокрыл,
С виду — что его арапзал,
Словно рыжему старший брат!
Только вброна оп черней,
Да глаза свирепо горят,
Так и пышет из них злость...

На копе черпокрылом — гость,
Будто тень из царства тепей.

Соскочило с копя тотчас
В латах — странное существо,
Над Бембе стоит, наклонясь...
Вест холодом от него.

Прикоснулась ко лбу ладонь.
Холодна она и жестка,
Как нестругаемая доска...

Тут заржал черпокрылый копь,
И Бембе очнулся от сна.
Это кто же стоит над ним,
Из живых ни с кем не сравним,
Непонятно: он или она,
То ли женщина, то ли муж,
То ли молод он, то ли стар?..
Может, душит Бембе кошмар?
Может, бредит он?.. Почему ж
Так отчетливо видит он
Степь, зарю, далекий хотон?

Чист предутренний небосвод,
Озаренный первым лучом.
Тем ужаснее предстает
Сине-серый призрак с мечом.
Страшен глаз его черный лед.
Может, это — шулма, эрлик?!

Меч как будто к руке прирос.
Точно выбит из камня лик.
Как луна, он голубоват.
Косы или подобье кос,
Что, железные, врозь торчат.

Встала дыбом каждая прядь.
Это женщина все ж, видать.

Вдруг движеньем палача
Замахнулась она мечом.
Ослепили искры меча...
На смерть юноша обречен...

Меч блистает над головой.
Хриплый голос шепчет:
— Умри!—
Злые очи в Бембе выплились...

Но внезапно взгляд неживой
Ожил, словно бы изнутри
Осветился лучом зари.
Ослабела, скользнула вниз,
Не роняя меча, рука,
Пальцы словно дрожат слегка.

Приподнялся Бембе рывком.
Облик женщины стал знаком,
Словно виденный в давнем сне...
О, как странно она глядит,
Непрерывно меняя вид!
То — прекрасна, то — вновь урод...
Почему? Бембе не поймет.

То пробьется луч красоты
Через каменные черты,
То померкнут глаза опять...
Почему — не может он знать.

Видит он только то, одно,
Что глазами видеть дано,
А душою он слеп и глух
И не слышит, что добрый дух,
Просветляющий дух любви,
Бой ведет у нее в крови
С Мусом, сердце забравшим в плен...
Да, причины всех перемен
Непонятны Бембе пока!..

...В набежавшие облака,
Вдруг померкнув, солнце зашло...
Неужели холод и зло
Победили в смертной борьбе?!
Нет, светлеет!.. Бежала тьма!
И вскричала Альма: — Бембе! —
И воскликнул Бембе: — Альма!..

Из руки выпадает меч.
Из тумана прорвался луч.
Солнце выныло из-за туч,
Не желая тепла беречь...

Воссияла степь — не узнать!
Засверкала водная гладь...
Озарилась вешняя рапь,
Блеском радости залита!
И стоит, как робкая лапъ,
Пред Бембе сама красота.

Обпимает Бембе Альму,
Припикает она к нему.
И трепещет его рука,
Глядя пряди ее волос,
Что теперь мягки, как шелкá...
Он целует след ее слез,
Слышит голос, полный любви.
— Дорогой! Любимый! Живи!..

* * *

Конский топот ближе, ближе...
Из просторов прискакал
Конь Бембе — могучий, рыжий,
Солщекрылый арапзал.

Конь Альмы заржал сердито:
Рыжий, верно, неспроста
Опустил свое копыто
На копец его хвоста.

Говорит золотогривый:
— Эй, Бембе! Не ранний час!
Хоть невеста и красива,
Много дел еще у нас!

Плеть свою сейчас опробуй!
Черный этот аранзал
Не по воле дышит злобой:
Мус его околдовал.

Плетью тронь его на счастье,
Чары гнусные развей!
Он хотя и черной масти,
Но со мной — одних кровей.

Видишь, схожи каждой статью?
Мы — двоюродные братья.
Жеребенка-стригуна
Мус украл из табуна.

Сын Араша тронул плеткой
Чернокрылого коня.
Пыхнул тот струей огня
И тотчас же тихо, кротко
И приветливо заржал:
Расколдован аранзал.
Словно в юности когда-то,
Трется он о шею брата.

Молвит рыжий конь премудрый:
— Время нас, Бембе, не ждет!
Разгорелось ярко утро.
Дел еще невпоровот
У твоей могучей плети!..
Поспешим к хотону, дети!..

* * *

— Где Альма?.. Еще в полете?..
Жду девочку — не дождусь,—
Снова став почтенной тетей,
Бормотал в кибитке Мус.

В неописанной досаде
На лежащих братьев глядя,
Он пипал Бадму ногой:
— Будет мне Альма слугой!
Силой, хитростью и ложью
Все равно вас уничтожу!
Пусть тебя не одолеет,—
Мне Альма добудет плеть!

Тут раздался стук копыт...
— Вот она ко мне спешит!
Эй!.. Скорей входи, Альма!..

Но раздвинулась кошма,
И предстал чернее тучи
Сам Арашев сын могучий,
Сам Бембе, несущий страх...
Вьется плеть в его руках,
Письмена мерцают грозно...

Взвизгнул Мус:

— Помилуй!..

— Поздно!

Пробил твой последний час!

Но презренный Мус, мечась,
Буйным ветром обернулся,
Закружился, вверх рванулся,
Устремился в дымоход...

Сын Арашев этот взлет
Оборвал ударом плети,
И тотчас же буйный ветер
Мусом черным стал опять
И пошел вопить, стонать,
Как бездомный пес, взъерошен...
Ност:

— Буду я хорошим!

Позабуду о волшебстве!

Снова поднял плеть Бембе,
Хлестанул... Раздался всхлип.
Черный Мус к земле прилип.

* * *

В степь направив аранзала,
На порог Альма вбежала...
Что такое там, в углу?
Кто чернеет на полу,
Всех чудовищ безобразней?..
— Кто там?..
— Не узнала разве
Тетушки своей почтенной? —
Говорит Бембе в ответ:
— Это черный Мус презренный,
Мус — причина общих бед!
Правда, чучело из чучел?..
Это он тебя измучил,
Братьев усыпил твоих...
А теперь, как мышь, притих
Перед гибелью своею.
Вот сейчас его огрею,
Хлестану разок опять...
Видишь, черный, рукоять?..—
Поднял плеть Бембе с усмешкой...

Блест Мус:

— Бембе, помешкай!

Дай пожить еще чуток!..

Ну, полчасика... Часок!

А еще бы лучше по́дния!

Что попросишь — все исполню.—

И в униженной мольбе

Лижет ноги у Бембе.

Есть закон для всех душонок,

На́прочь совести лишенных:

Если им дается власть,

Беззащитных мучат всласть,

Упиваясь их страда́ньем,

Над слезами их смея́сь,

А столкнутся с испыта́нием —

Превратятся в слизь и грязь

И у сильных лижут пятки...

До чего ж подлы и гадки!

Мус в предчувствии удара

За Бембе ползет ползком,

Лижет землю языком...

— С братьев снять немедленно чары! —

Приказал ему Бембе,

Шлепнув Муса по губе
Распиною рукоятью.
— Оживут немедля братья!
Расколдую всех, клинусь!.. —
И в ладоши хлопнул Мус.

Друг за другом братья встали:
— Маани! Мы долго снали.
За работу нам пора!..
Здравствуй, милая сестра!
Здравствуй, храбрый сын Араша!
Ты еще светлей и краше,
Чем ты был изображен...
Значит, подлый враг сражен?

Но при виде Муса злого
Потемнели братья снова.
— Жив он! Жив презренный враг,
Прародитель зол и врак.

Что же ты, Бембе прекрасный?
Неужели понапрасну
Плеть была тебе дана?!
Подними ее живее,
Прочитай скорей злодею
Золотые письмапа!

Мус вопит:

— Бембе, не надо! —

Мус мычит:

— Молю пощады!

Ох, не убивай меня!

Как ягненок, стану кроткий.

Да не только я — все тетки,

Братья, вся моя родня,

Позабыв о древней розни,

Навсегда оставят козны,

Будут с вами жить в любви...

Всех по свету я развеял...

Дай созвать их всех!..

— Зови!

Мус взревел, завыл, заблеял

На десятки голосов.

·Столь был гнусен этот зов,

Что завяли уши даже.

И — один другого гаже —

Изо всех концов земли

Прибежали, приползли

Дети Муса, тети, дяди...

На главу семейства глядя

И косясь на рукоять,

На полу расселись крúгом,

·Стали хором друг пред другом

Друг на друга клеветать —
На племянника, на брата,
А на Муса — семикратно:
Он, мол, всех подбил на грех,
Ибо он — главное всех!

Были струи клеветы
Так зловонны, так густы,
Что дыхапье захватило,
И Бембе со всею силой,
Пресекая гнусный гул,
Злую бражку стеганул...

Завизжали, взвыли дико
Осквернители земли
И — от мала до велика —
Бездыхапно полегли,
Повалились на порог.
Черный Мус — тот, первый, сдох.

Чтоб никто в веках не бжпл,
Чтоб огонь их упничтожил,
Братья и Бембе с Альмою
Пададь вымели метлою
И спалили на костре,
Разведешном во дворе.

Тут арапзалы примчались:

— Взгляните!

Утро закопчилось, солнце — в зените.
Нужно, покуда оно не зашло,
Честно исправить свершенное зло.

Мы порошок раздобыли чудесный.
Ты разбросай его всюду, невеста,
Всех оживи, воскрешенье дари
Тварям земным, что загублены зря!

Белое зелье схватила Альма,
Быстро взошла на вершину холма
И порошок разбросала повсюду,
Громко воззав:

— Да содеется чудо!

Да оживут все созданыя земли —
Все, что от этой руки полегли,
Ибо жестоко меня ослепила
Независть — Муса презренного сила.

Пусть из пределов земли испарится
Зло, что уродует души и лица.
Да преисполнится сердце любви!..
Все, что погублено мной, — оживи!..

Так возгласила Альма, заклиная.
И поплыла по-над степью сквозная

Тучка сияющего перошка —
Благоухаюша, чиста, легка...

Вновь засновали зверьки полевые,
Вновь при сияющем солнце,
жизнь,

Мушки, жучки замелькали везде,
Рыбы, плеща, заиграли в воде,
Птицы запели, как пели когда-то,
И потянулись за уткой утята,
Лебедь серебряный взмахами крыл
Небо рассек и к подруге поплыл.
Всюду веселые клики и зовы...
Стадо идет. Замычали коровы...
Все, что немело и глохло вчера,
Ожило, славя победу добра!

И меж людьми воцарилось согласие...
Слышал я: в полном довольстве и счастье,
Славно трудясь, не переча судьбе,
Дружные братья, Альма и Бембе
Прожгли долгие-долгие годы
В доброй стране, где небесные своды,
Словно гигантский лазурный шатер,
Вольный, степной увенчали простор.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Когда я вижу, как цветок в апреле...»	9
«Трещца, купаясь в тепле...»	11
«Псы родного хотона вдали...»	13
«Ветерок раздул занавеску...»	15
«Апрель, апрель желанный...»	17
«Как песни лимбы — трепетной свирели...»	19
«Тучи появились в небе чистом...»	21
«То, что воздух душистый, степной...»	23
«Когда, уйдя от суеты...»	25
Польнь	27
«Ой, весна!.. Не балуй гляди!..»	29
«Зеленая, еще не колосится...»	31
«Кудрявый, на цокках точеных...»	33
Запах весны	35
«Весна... Мне кажется порой...»	37
«Затренитали лепестки тюльпана...»	39
«Я, прошагавший от начала...»	41
«В часы, когда я думаю о нем...»	43
«С тех пор как вертится Земля...»	45
Рельсы	46
Раздумье	47
Кипучий мир тебя зовет	50
«На землю пыщче...»	52
Буря	53
В ожидании самолета	55
«Неуловимы памяти законы...»	57
«Ребята, не пришедшие с войны...»	59
«Бывало, к дямбре прикасалась ты вдруг...»	61
«Что было «до»?..»	63
«Когда лютует злой мороз...»	64
Дети переходят мостовую	66
Мой разговор с сусликом	68
«Не признавая никаких препон...»	71

Шторм на море	73
«Одолеевая неудачи...»	78
«По просьбе некого поэта...»	79
«Норой высокое смешно...»	81

Из фронтовой тетради

Девушке, победившей пустыню	82
«О милая, ты, как весна, хороша...»	84
«Облик твой, точно небо чистое...»	87

ПОЭМЫ

Корень	91
Явление слова	99
Шахматист	111
Цветок, одолевший бурю	126

Давид Никитич Кугультинов

ЗОВ АПРЕЛЯ

М., «Советский писатель», 1978, 208 стр.
 План выпуска 1978 г. № 337

Художник *Е. И. Коган*

Редактор *И. Ф. Шумаков*

Худож. редактор *Д. С. Мухин*

Техн. редактор *А. П. Мордовина*

Корректоры *Л. Г. Соловьева* и *И. Ф. Сологуб*

Сдано в набор 01.02.78. Подписано к печати 04.05.78. Формат 70×108¹/₂. Бумага мелованная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,10. Уч.-изд. л. 5,48. Тираж 50 000 экз. Заказ № 123. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Советский писатель», Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени В. И. Ленина, 109.

1. 10.

11.